

Голсуорси Джон

Семейный человек

Джон Голсуорси

Семейный человек

Комедия в трех действиях

Перевод Н. С. Надеждиной и Л. В. Хвостенко

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Джон Билдер, глава фирмы "Билдер и Билдер"

Джулия, его жена.

Атена, его старшая дочь.

Мод, его младшая дочь.

Ральф Билдер, его брат и компаньон.

Гай Херрингем, летчик.

Энни, молодая особа в синем.

Камилла, француженка, горничная миссис Билдер.

Топпинг, лакей Билдера.

Мэр Бреконриджа.

Харрис, его секретарь.

Френсис Чантри, мировой судья,

Мун, полицейский.

Мартин, сержант полиции.

Репортер из газеты "Комета",

Браконьер.

Уличные мальчишки.

Место действия - город Бреконридж в средней Англии.

Действие первое.

Картина первая. - Кабинет Билдера. Утро.

Картина вторая. - Мастерская художника.

Действие второе. Кабинет Билдера. После полудня.

Действие третье.

Картина первая. - Кабинет мэра. Десять часов утра следующего дня.

Картина вторая. - Кабинет Билдера. Полдень того же дня.

Картина третья. - Кабинет Билдера. Вечер того же дня.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ КАРТИНА ПЕРВАЯ

Кабинет Джона Билдера в провинциальном городе Брекнридже. Это обшита дубовыми панелями комната, где никто ничем не занимается, разве только Билдер изучает свое лицо в зеркале над камином. Но комната вполне уютная; в ней стоят большие кожаные кресла, в центре письменный стол, на нем пишущая машинка и множество бумаг. На заднем плане большое окно с наружными ставнями, выходящее на улицу. Это старый дом, построенный еще в те времена, когда врачи, адвокаты и т. п. жили непосредственно в черте города, а не в пригородах. На стенах, справа и слева, две-три хорошие старинные гравюры, справа прекрасный старинный камин с решеткой, на которой можно сидеть. Дверь в глубине справа ведет в столовую, а дверь на переднем плане слева - в

прихожую. Джон Билдер сидит в своем любимом кресле перед горящим камином с номером "Таймса" в руках. Он превосходно позавтракал и пребывает в том безмятежном состоянии, когда обычно закуривают первую трубку и считают, что с положением в стране почти можно примириться. Это сравнительно высокий, плотный мужчина лет сорока семи. У него представительная внешность, румяное, довольно полное лицо с выдающейся нижней челюстью; глаза светлые, очень блестящие, с маленькими острыми зрачками, под глазами - темные круги. В его манерах чувствуется сила и уверенность в себе: это человек твердых убеждений, привыкший к успеху и богатству и не лишенный добродушия, когда все идет так, как ему хочется, - типичный уроженец средней Англии. Его жена - женщина сорока одного года; у нее стройная, подтянутая фигура и матово-бледное лицо, полное такой странной сдержанности, что напоминает маску. В ней чувствуется уроженка острова Джерси, Она вставляет перо в ручку и наполняет чернильницу

на письменном столе. Когда занавес поднимается, входит Камилла; в руках у нее помятая картонная коробка с цветами. Это молодая, прекрасно сложенная женщина с бледным лицом, живыми карими глазами и умением держаться, типичным для француженки. Она

подает коробку миссис Билдер.

Миссис Билдер. Будьте добры, Камилла, дайте мне синюю вазу.

Камилла подает вазу, миссис Билдер ставит в нее цветы. Камилла подбирает

рассыпавшиеся лепестки и листья и, взглянув на Билдера, выходит.

Билдер. Какой великолепный октябрь! Завтра мы с Чантри поохотимся на славу!

Миссис Билдер (расправляя цветы). Разве ты не идешь сегодня в контору?

Билдер. Нет, я собираюсь денька два отдохнуть. Если ты чувствуешь себя в форме, отдохни вовремя, и дальше опять все будет идти превосходно. (Смотрит на нее, как бы что-то соображая.) А что ты скажешь, если мы заглянем к Атене?

Миссис Билдер (явно удивлена). К Атене? Но ведь ты сказал, что знать ее больше не желаешь!

Билдер (улыбаясь). Это было полтора месяца назад. Но, черт побери, нельзя же отказаться от собственной дочери. Одна из слабостей англичанина то, что он не злопамятен. В таком городе, как наш, неудобно позволять девушке жить одной. В любой момент могут узнать, что мы с ней поссорились. А это может мне повредить.

Миссис Билдер. Ну, конечно.

Билдер. И, кроме того, мне без нее скучно. Мод слишком поглощена собой. Нам очень не хватает Атены, Джулия. У тебя, кажется, есть ее адрес?

Миссис Билдер. Да. (Очень спокойно.) А это не значит поступиться своим достоинством, Джон?

Билдер (добродушно). К черту достоинство! Я именно тем и горжусь, что знаю, когда нужно поддержать свое достоинство и когда можно забыть о нем. Если она все еще помешана на искусстве, пусть живет дома и ходит куда-нибудь заниматься своей живописью.

Миссис Билдер. Если она и была помешана на чем-нибудь, так это на стремлении к свободе.

Билдер. Несколько недель жизни без привычных удобств быстро излечивают такое помешательство. Атена не сможет прожить на свои гроши. Теперь она уже сама поняла это. Переоденься, и в двенадцать часов мы поедем.

Миссис Билдер. Боюсь, что ты потом пожалеешь об этом. Она откажется вернуться домой.

Билдер. Не откажется, если я буду с ней ласков. Я сегодня кроток, как ягненок. Открыть тебе одну тайну, Джулия?

Миссис Билдер. Для разнообразия это было бы даже приятно.

Билдер. В одиннадцать часов меня собираются на-* вестить мэра, и я отлично знаю, зачем он пожалует.

Миссис Билдер. А именно?

Билдер. В будущем месяце мою кандидатуру выставят в мэры. Харрис намекнул мне об этом на последнем заседании муниципалитета. Не так плохо в сорок семь лет, а? Из меня, черт возьми, может получиться совсем недурной мэр. Я могу сделать для нашего города то, чего никто другой сделать не сумеет.

Миссис Билдер. Теперь я понимаю, почему ты едешь к Атене.

Билдер (добродушно). Это тоже имеет известное значение. Но (более серьезным тоном) главным образом я чувствую, что не выполняю по отношению к ней своего долга. Бог знает, с кем она там встречается! Художники вообще народ распущенный. А современные молодые люди - это черт знает, что такое. Я не отрицаю - надо идти в ногу со временем, но что поделывать, если я родился консерватором! Словом, пожалуйста, будь готова к двенадцати. Кстати, Джулия, эта твоя француженка-горничная...

Миссис Билдер. Да?..

Билдер. Вполне ли она... э-э... так сказать, безупречна? Мне не хотелось бы, чтобы начались какие-нибудь... э... неприятности с Топпингом.

Миссис Билдер. О, неприятностей никаких не будет... с Топпингом. (Открывает дверь направо.)

Билдер. Не знаю; мне кажется, слишком уж много в ней этого... французского.

Миссис Билдер улыбается и выходит. Билдер набивает вторую трубку. Только он собрался снова взяться за газету, как дверь из передней открывается, и входит лакей Топпинг - сухощавый, темноволосый, одетый в черный полу фрак;

говорит всегда со скрытой иронией.

Топпинг. Мэр и мистер Харрис, сэр.

Входит мэр Бреконриджа. Это чисто выбритый, краснолицый мужчина с бесцветными глазами: ему лет около шестидесяти, он хитроват, болтлив, непринужденно жизнерадостен, одет с налетом

мещанской безвкусицы; за ним следует его секретарь Харрис, человек, который все замечает и все понимает.

Топпинг выходит.

Билдер (встает). Здравствуйте, мэр! Что привело вас ко мне в такую рань? Рад вас видеть. Доброе утро, Харрис!

Мэр. Здравствуйте, Билдер, здравствуйте.

Харрис. Доброе утро, сэр.

Билдер. Садитесь, садитесь. Сигару?

Мэр берет сигару. Харрис вынимает свой портсигар и закуривает сигарету.

Ну-с, мэр, что у вас там не ладится? (Обменивается взглядом с Харрисом.)

Мэр (выпустив первый клуб дыма). После того как вы ушли с последнего заседания муниципалитета, Билдер, мы приняли одно решение.

Билдер. Да не может быть! А вы думаете, я соглашусь с ним?

Мэр. Увидим. Мы хотим выдвинуть вашу кандидатуру в мэры. Вы согласны?

Билдер (невозмутимо). Об этом надо поразмыслить.

Мэр. Если не вы, то остается только Чантри, но он не пользуется влиянием, и все его интересы связаны не с городом, а с поместьем. А какие у вас возражения?

Билдер. Все это несколько неожиданно, мэр. (Взглянув на Харриса.) Тот ли я человек, который вам нужен? То есть буду ли я вашим достойным преемником? Я собираюсь завтра охотиться у Чантри. Как он-то к этому относится?

Мэр. Как, по-вашему, Харрис?

Харрис. Мистер Чантри, сэр, воспитывался в аристократической школе и в Оксфорде. Я бы не сказал, что он честолюбив.

Билдер. Я тоже не честолюбив, Харрис.

Харрис. Нет, сэр, но у вас высоко развито чувство долга. А мистер Чантри - во всем немного дилетант.

Мэр. Нам нужен серьезный человек.

Билдер. У меня и так дел по горло, вы же знаете, мэр.

Мэр. Но у вас есть все необходимые качества - вы владелец известной фирмы, человек семейный, живете в городе, прилежно

посещаете церковь, имеете опыт в муниципальных и судебных делах. Советую вам согласиться, Билдер.

Билдер. Ведь это значит взвалить на себя огромную дополнительную работу. Я неохотно берусь за новые дела, но если берусь, то всерьез.

Мэр. Нынче времена опасные. Авторитет власти везде начинает колебаться. Нам нужен человек, обладающий чувством ответственности, и мы полагаем, что нашли его в вашем лице.

Билдер. Вы очень любезны, мэр. Но, право же, я не знаю, что вам сказать. Я не должен забывать о благе нашего города.

Харрис. Об этом вам беспокоиться нечего, сэр.

Мэр. Имя Джона Билдера немало значит. Вас считают человеком, который умеет вести свои дела. Ваша супруга и дочери здоровы?

Билдер. Вполне.

Мэр (встает). Ну и прекрасно! Что ж, если хотите, поговорите об этом завтра с Чантри. Нынче люди любят ударяться в крайности, а нам нужен человек с твердыми принципами и здравым смыслом.

Харрис. Нам нужен человек с крепкой хваткой, сэр, и это именно вы.

Билдер. Гм! У меня ведь, знаете ли, тяжелый характер.

Мэр (посмеиваясь). Знаем, знаем! Я вижу, вы скажете нам: да. Без ложной скромности! Пойдемте, Харрис, нам пора.

Билдер. Что ж, мэр, я подумаю и дам вам знать. Вам известны мои недостатки и мои достоинства, каковы бы они ни были. Я всего лишь самый обыкновенный англичанин.

Мэр. Ничего лучшего нам и не надо. Я всегда говорю, что у англичан есть одна великолепная черта - они твердо стоят на земле. Вы можете сбить англичанина с ног, но не успеете и глазом моргнуть, как он уже снова твердо стоит на земле... Правда, и у него бывают затмения, но он всегда упорен до конца! Всего хорошего, Билдер, всего хорошего! Надеюсь, что вы согласитесь.

Он пожимает Билдеру руку и уходит в сопровождении Харриса. Когда дверь за ними закрывается, Билдер некоторое время стоит неподвижно, с довольной улыбкой на лице; затем поворачивается и внимательно рассматривает свое отражение в зеркале над камином. В это время дверь из столовой тихо открывается, и входит Камилла. Билдер, внезапно увидя ее в зеркале,

оборачивается.

Билдер. Что вам нужно, Камилла?

Камилла (говорит с заметным французским акцентом). Мадам послала меня за письмом; она говорит, что оно у вас, мосье, - это счет из ателье окраски и чистки тканей.

Билдер (роясь в карманах). Да... Нет. Оно на столе.

Камилла идет к письменному столу и ищет там письмо.

Вон тот голубой конверт.

Камилла (берет его). Non {Нет (франц.)}, мосье, это счет за газ.

Билдер. А-а! (Идет к столу и перебирает бумаги.)

Камилла неподвижно стоит совсем рядом с ним, устремив на него пристальный
взор.

А, вот оно! (Поднимает голову, замечает ее взгляд, опускает глаза и протягивает ей конверт. Их пальцы соприкасаются. Он прячет руки в карманы.) Зачем вы приехали в Англию?

Камилла (скромно). Здесь больше платят, мосье, и... (улыбаясь) англичане такие любезные.

Билдер. Черта с два! Уж этого про них не скажешь.

Камилла. О! Я восхищаюсь англичанами. Они такие сильные и добрые.

Билдер (явно польщенный). Гм! Нам не хватает светских манер.

Камилла. Французы более вежливы, но не всегда от чистого сердца.

Билдер. Верно. Что касается сердца, то оно у нас в полном порядке.

Камилла. Англичанин ищет свое счастье в семье, а француз... на стороне.

Билдер (смущаясь). Гм!

Камилла (взглянув на него). Англичанин в своей семье - как кролик в силке!

Билдер. О! Так вот как вы смотрите на нас! (Его возмущенный, но в то же время заинтересованный взгляд останавливается на ней.)

Камилла. Пardon, мосье, это я так, сболтнула.

Билдер (начинает догадываться, что с ним заигрывают). Вы из Парижа?

Камилла (сжав руки, восторженно). О да, Париж! Какой это город! Вот где можно наслаждаться жизнью!

Билдер. Еще бы. Распущенный город, этот ваш Париж.

Камилла. Распущенный? А что это значит, мосье?

Билдер. Ну, там недостаточно строгие нравы.

Камилла. Строгие нравы! О, мы, разумеется, любим жить, мы - французы. У нас не то, что в Англии. Я отнесу счет мадам, мосье. (Поворачивается, как будто собираясь уйти.) Извините.

Билдер. А я думал, что все французенки рано выходят замуж.

Камилла. Я была замужем, но мой муж погиб en Afrique {В Африке (франц.)}.

Билдер. Вы не носите кольца.

Камилла (улыбаясь). Я предпочитаю, чтобы меня называли mademoiselle, мосье.

Билдер (не очень одобрительно). Ну, нам-то все равно. (Берет со стола еще одно письмо.) Можете отнести и это миссис Билдер.

Их пальцы снова соприкасаются, и взгляды встречаются на мгновение. Камилла

выходит. Он поворачивается к своему креслу.

Что-то в ней не так. Очень уж кокетка!

Сжав губы, он снова усаживается в свое кресло; в это время дверь из прихожей открывается, и входит его дочь Мод, хорошенькая девушка, довольно бледная, с красивыми глазами. Хотя по ее виду и чувствуется, что она способна на решительные поступки, ведет она себя в эту минуту несколько неуверенно. У нее в руке письмо, она идет к отцу, словно подкрадываясь. Сказав:

"Здравствуй, Мод!", - он погружается в чтение газеты.

Мод (дойдя до стола). Папа!

Билдер (не опуская газеты). Ну, что там? Этот тон мне знаком. Что тебе нужно? Денег?

Мод. Мне, конечно, всегда нужны деньги, но... но...

Билдер (вытаскивает из кармана банкноту, не глядя на Мод). Вот тебе пять фунтов.

Мод подходит к нему и берет деньги, но то, зачем она пришла, теперь волнует

ее еще больше, чем раньше. Билдер ничего не замечает.

Дай-ка я тебе продиктую письмо,

Мод садится у стола за пишущую машинку и готовится писать.

(Диктует.) "Многоуважаемый мэр! В связи с вашим сегодняшним визитом я... э... очень тщательно обдумал затронутый вами вопрос, и хотя не совсем охотно..."

Мод. Действительно неохотно, папа?

Билдер. Пиши: "...поскольку это налагает на меня большую ответственность, - но все же считаю своим долгом пойти навстречу вашему желанию. Это ... честь, которой я вряд ли достоин, но вы можете не сомневаться..."

Мод. "Достойн"... Но ведь ты же уверен, что достоин.

Билдер. Послушай-ка! Ты, кажется, хочешь меня рассердить? Сегодня тебе это не удастся.

Мод. А мне кажется, что это ты хочешь меня рассердить.

Билдер. Ну, а как бы ты сказала?

Мод. "Я не хуже вас знаю, что я самый достойный кандидат на этот пост".

Билдер. До чего же нынешняя молодежь непочтительна, просто неслыханно. Кстати, скажи-ка мне: куда ты ходишь каждый вечер после чая?

Мод. Я... я не знаю.

Билдер. Ну, ну, так мы далеко не уедем... От шести до семи тебя никогда нет дома.

Мод. Да видишь ли, я в какой-то мере продолжаю свое образование.

Билдер. Да ведь ты закончила его два года назад.

Мод. Ну, если хочешь, можешь назвать это увлечением. (Берет письмо, которое принесла с собой, и, по-видимому, хочет начать о нем разговор.)

Билдер. Увлечением? А кем или чем ты изволишь увлекаться?

Мод. Я не хочу раздражать тебя, папа.

Билдер. Ты еще больше раздражаешь меня своими тайнами. Посмотри, к чему они привели твою сестру. Да, кстати, я хочу покончить со всем этим сегодня же. Ты будешь рада, если она вернется, а?

Мод (пораженная). Что?!

Билдер. Мы с мамой собираемся в двенадцать часов съездить к Атене. Я помирюсь с ней. Она должна вернуться домой.

Мод (в ужасе, но пытается это скрыть). Ах! Не стоит... Нет, не стоит, папа... Она не согласится.

Билдер. Увидим. Я уже совсем забыл о своей вспышке, и она, надеюсь, тоже.

Мод (настойчиво). Папа! Уверяю тебя, что она не согласится, ты только потеряешь даром время и поставишь себя в глупое положение.

Билдер. Ну, сегодня я могу многое стерпеть. И вообще все это чепуха! Семья есть семья.

Мод (все больше приходит в замешательство, но старается скрыть это). Папа, на твоём месте я... я бы не пошла, право! Это... это унижит твоё достоинство.

Бил дер. Предоставь мне самому судить об этом. Если у... мэра города незамужняя дочь, в таком юном возрасте, как Алена, живет самостоятельно вне дома, - вот это унижает достоинство... самого мэра. Нашим утверждениям, что она где-то гостит, скоро никто не будет верить. А теперь кончай письмо: "...достоин, но вы можете не сомневаться, что я приложу все усилия, чтобы оправдать... э... это высокое звание..."

Мод с отчаянием стучит на машинке.

Написала? "И... э... блюсти традиции, которые вы так достойно..." Нет... э... "так стойко"... э... э...

Мод. Поддерживали.

Билдер. Вот, вот, "...поддерживали. Преданный вам..."

Мод (заканчивая). Папа, ты считаешь, что Алена ушла, потому что обиделась. Ничего подобного. Она давно собиралась уйти. Она нарочно довела тебя до бешенства, чтобы ей проще было это сделать. Она не могла больше жить дома.

Билдер. Ерунда! С чего бы это?

Мод. Однако это именно так! И я... (Спохватилась.) Пойми же, ты только выставишь себя в смешном свете, если пойдешь к ней.

Билдер (встает). Послушай, Мод, к чему ты клонишь?

Мод. К чему? Да ни к чему!..

Билдер. Беда в том, что вы, девочки, очень избалованы и вам нравится дразнить меня, но сегодня ты меня не заставишь рычать. У меня слишком хорошее настроение. Вот увидишь, с Аленой я все улажу.

Мод (вдруг). Папа!

Билдер (с мрачным юмором). Ну! Выкладывай) Что в этом письме?

Мод (снова не решается и комкает письмо в руках, за спиной). О, ничего.

Билдер. Сегодня у тебя все "ничего". Тебе известно, какими людьми окружена теперь Алена? Ведь ты, вероятно, видишься с ней?

Мод. Иногда.

Билдер. Ну?

Мод. Да никакими. Здесь ведь нет никого интересного. Все безнадежно отстали.

Билдер. Ах, ты находишь? Во всем виноваты эти тлетворные книжонки, которыми вы зачитываетесь. Вот что я вам скажу, сударыня, - чем скорее вы и ваша сестра избавитесь от ваших дурацких взглядов насчет самостоятельной жизни, тем скорее вы обе выйдете замуж и начнете эту самую самостоятельную жизнь! Мужчинам не нравятся женщины нового толка - сколько бы мужчины ни утверждали обратное!

Мод. Ты судишь по себе, папа!

Билдер. Ну, что ж. А я такой, как все. Если будешь понаблюдательнее, скоро сама это поймешь.

Мод. Мужчины считают, что только они имеют право пользоваться свободой.

Билдер. Это неверная формулировка. (Выколачивает трубку.) Женщинам нашего круга никогда не приходилось сталкиваться с действительностью.

Мод. Может быть, но мы этого хотим.

Билдер (добродушно). Знаешь, я готов побиться с тобой об заклад на что угодно: Алена уже достаточно хлебнула этой самой действительности и излечилась от своего сумасбродства.

Мод. А я держу пари, что... Нет, впрочем, не буду!

Билдер. И не стоит. Алена вернется домой и будет рада этому без памяти. Позвони Топпину и прикажи подать автомобиль к двенадцати.

В то время как он открывает дверь, чтобы выйти, Мод делает движение,

порываясь подойти к нему, но останавливается.

Мод (смотрит на свои часы). Половина двенадцатого! Боже ты мой! (Идет к звонку. Звонит. Затем возвращается к столу и записывает адрес на листке бумаги.)

Справа входит Топпинг.

Топпинг. Вы звонили, мисс?

Мод (держит листок). Да. Слушайте, Топпинг! Можете вы съездить на велосипеде очень срочно, сейчас же? Мне надо кое-что сообщить мисс Атене, страшно важное. Всего несколько слов: "Берегись! Папа едет к тебе". (Протягивает ему записку.) Вот ее адрес. Вы должны съездить туда и вернуться до двенадцати. В двенадцать папе и маме будет нужен автомобиль, чтобы поехать к Атене, так что распорядитесь насчет автомобиля, прежде чем отправитесь. На велосипеде у вас весь путь займет не больше двадцати минут. Это там, на набережной, около перевоза. Но наши не должны видеть вас ни когда вы будете уезжать, ни когда вернетесь.

Топпинг. А если я попаду к ним в лапы, мисс, записочку прикажете съесть?

Мод. Безусловно! Топпинг, вы просто прелесть! Поторапливайтесь!

Топпинг. Никаких более подробных указаний, мисс?

Мод. М-м... Нет.

Топпинг. Слушаю, мисс Мод. (Читает, стараясь запомнить адрес.) "Брайери Студио, Ривер-Род. Берегись! Папа едет к тебе!" Я уйду с черного хода. Ответ нужен?

Мод. Нет.

Топпинг кивает головой и выходит.

Что ж, это все, что я могла сделать. (Стоит задумавшись, и в это время занавес опускается.)

КАРТИНА ВТОРАЯ

Мастерская художника, при ней - квартира; все вместе стоит не дороже восьмидесяти фунтов в год. Тут, конечно, есть какие-то полотна, кисти, краски, мольберт, но атмосфера скорее жилая, чем рабочая. Большой беспорядок. Голые стены, покатый застекленный потолок, окон нет; камина тоже не видно. Слева дверь в спальню, справа в кухню. На заднем плане в центре

входная дверь. В дверь стучат. Из кухни выходит молоденькая горничная Энни, в холщовом платье цвета синей промокашки, в белом

голландском чепчике. Энни хорошенькое розовощекое создание; она сосредоточенно хмурится, идет к входной двери и отворяет ее. За дверью стоит Топпинг. Он входит и

останавливается у порога.

Топпинг. Мисс Билдер здесь живет?

Энни. О нет, сэр. Тут живет миссис Херрингем.

Топпинг. Миссис Херрингем? А! Молодая дама с темными волосами и большими выразительными глазами?

Энни. О да, сэр.

Топпинг. И на белье у нее метка "А. Б."? (Подходит к столу.)

Энни. Да, сэр.

Топпинг. А на рисунках подпись "Атена Билдер"?

Энни (взглянув на один из рисунков). Да, сэр.

Топпинг. Давайте-ка посмотрим. (Разглядывает рисунок.) Вы сказали: миссис Херрингем?

Энни. О да, сэр.

Топпинг. Вот так штука!

Энни. Вы что-то сказали, сэр?

Топпинг. Бросьте это "сэр", дорогая; я сам служу у Билдеров. Мистер Херрингем дома?

Энни. О нет, сэр.

Топпинг. Мне ждоть некогда. Передайте вот что. От мисс Мод Билдер. "Берегись! Папа едет к тебе". Так вот, кто бы из них ни пришел первым, надо им это передать, постарайтесь не забыть!

Энни. О нет, сэр.

Топпинг. Значит, они женаты?

Энни. О, я не знаю, сэр.

Топпинг. Понятно. Во всяком случае, мистер Джон Билдер тоже не знает. Вот почему надо им это передать. Поняли?

Энни. О да, сэр.

Топпинг. Ну, смотрите! А мне пора. Значит, от мисс Мод Билдер: "Берегись! Папа едет к тебе!" (Кивает ей, поворачивается и уходит, захлопнув за собой дверь.)

Энни стоит некоторое время, раскрыв рот,

Энни. Ой! (Идет в спальню и вскоре возвращается с мужской пижамой, зубной щеткой, ночными туфлями и футляром с бритвами и кладет все это на стол; затем бежит в кухню и возвращается оттуда с

большой формой для теста в руках; ставит форму посреди комнаты. Потом снова идет в спальню и возвращается с платяной щеткой, двумя щетками для волос и мужской домашней курткой. В то время как она засовывает все это в форму и уносит обратно в кухню, слышно, как к дому подъезжает и останавливается автомобиль. Энни снова появляется в дверях кухни, как раз в ту минуту, когда раздается стук дверного молотка.) Эх ты, вот досада! (Стук повторяется. Она открывает дверь.) О!

Входят мистер и миссис Билдер.

Билдер. Мы мистер и миссис Билдер. Моя дочь дома?

Энни (в замешательстве). О, сэр, нет, сэр.

Билдер. Милая моя, "о, сэр, нет, сэр" - это лишнее. Просто "нет, сэр". Поняли?

Энни. О, сэр, да, сэр.

Билдер. Где она?

Энни. О, сэр, я не знаю, сэр.

Билдер (пристально смотрит на нее, словно подозревая, что она над ним подшучивает). Она скоро вернется?

Энни. Нет, сэр.

Билдер. Откуда вы знаете?

Энни. Я н-не знаю, сэр.

Билдер. Зачем же вы тогда это говорите? (Чуть было не пробормотал: "Вот дура!", - но, заметив ее раздумывающее лицо и прерывисто вздымающуюся грудь, похлопал ее по плечу.) Ничего, ничего, не надо пугаться.

Энни. О да, сэр. Извините, сэр, вам больше ничего не нужно?

Миссис Билдер (искоса взглянув на мужа, с легкой улыбкой). Нет, можете идти.

Энни. Спасибо, сударыня. (Поворачивается и убегает в кухню.)

Билдер смотрит ей вслед, а миссис Билдер смотрит на Билдера, продолжая

слегка улыбаться.

Билдер (после того, как Энни ушла). Забавная голландочка... славная фигурка... (Оглядываясь.) Гм! Станный народ эти девушки! Подумать только, что Афина предпочитает все это дому! Что?

Миссис Билдер. Я ничего не сказала,

Билдер (пододвигает жене стул и садится сам). Что ж, нам, очевидно, придется подождать. Черт бы побрал это никсоновское наследство! Если б Атене не достались эти жалкие деньжонки, она не могла бы так поступить. Ну, я думаю, от них теперь уже ничего не осталось. Я сделал ошибку - не надо было выходить из себя, когда я разговаривал с ней.

Миссис Билдер. Но ведь человек всегда совершает ошибку, когда выходит из себя.

Билдер. Как это мило сказано, как хладнокровно! Вы, женщины, ведущие спокойную жизнь за чужой спиной, всегда говорите такие вещи. Я часто задаю себе вопрос - понимаете ли вы, женщины, в каком напряжении живем мы, деловые люди?

Миссис Билдер (присущим ей чуть ироническим тоном). Как ужасно, что приходится добавлять к этому еще и бремя семейной жизни!

Билдер. Ты всегда была такой безразличной ко всему! Если мне что-нибудь нужно, я добиваюсь своего любой ценой.

Миссис Билдер. Я это заметила.

Билдер (коротко рассмеявшись). Удивительно было бы, если бы ты не заметила - за двадцать три-то года. (Дотрагивается носком башмака до холста, прислоненного к столу.) Искусство! Просто предлог! Не хватает еще, чтобы и Мод сорвалась с цепи! Она какая-то беспокойная. Но мне все же следовало избежать этой стычки с Атеной. Надо было действовать настойчиво, но мягко.

Миссис Билдер улыбается.

Чему ты улыбаешься?

Миссис Билдер пожимает плечами.

А это что такое?.. Папиросы! (Рассматривает Этикетку на коробке.) Очень крепкие - и не слишком хорошие! (Открывает дверь.) Кухня! (Закрывает дверь в кухню, идет к другой двери и открывает ее.) Спальня!

Миссис Билдер (вслед его исчезающей за дверью фигуре). А ты не думаешь, что лучше не делать этого, Джон? (Он уже исчез, и она заканчивает фразу выразительным жестом и долгим вздохом, а затем закрывает глаза.)

Раздается властный голос Билдера: "Джулия!"

Ну, что еще? (Идет к нему в спальню.)

Энни высовывает голову из дверей кухни, делает шаг вперед, как бы собираясь куда-то бежать, но, услышав голос Билдера, снова скрывается в кухне. Входит Билдер с ремнем для правки бритв в одной руке и кисточкой для бритья в

другой; за ним идет миссис Билдер.

Билдер. А вот это как ты объяснишь? Боже мой! Где эта служанка?

Миссис Билдер. Джон! Не надо! (Встает между ним и кухонной дверью.) Это неприлично.

Билдер. Наплевать!

Миссис Билдер. Джон, так нельзя. Ведь у Алены у самой темный пушок над верхней губой, ты же знаешь.

Билдер. Что? Я останусь тут и выясню все до конца, даже если мне придется ждать целую неделю. Отцы, которые позволяют своим дочерям... Ну и времена! Черт знает что такое! (Яростно взмахивает ремнем, словно собираясь опустить его на чью-то спину.)

Миссис Билдер. Этого она не потерпит. В наши дни даже жены этого не терпят.

Билдер (угрюмо). Война перевернула все вверх дном. Женщины совершенно отбились от рук. Куда она, к дьяволу, провалилась?

Миссис Билдер. А что, если ты оставишь меня здесь одну поговорить с ней?

Билдер (зловеще). Уж это предоставь мне.

Миссис Билдер. А по-моему, я это сделаю лучше.

Билдер. Что у тебя за манера всегда возражать мне, что бы я ни говорил! Пойду-ка, посмотрю еще... (Подходит к дверям спальни, но, услышав, как в замок входной двери кто-то вставляет ключ, останавливается. Прячет руку с ремнем и кисточкой за спину и говорит тихо.) Вот она!

Миссис Билдер подходит к нему, и они оба поворачиваются лицом к входной двери. Входит Гай Херрингем. Они стоят в стороне, он успевает закрыть дверь и только тогда замечает их. От изумления он разевает рот, а его рука опускается на ручку двери. Гай - молодой человек приятной наружности, в костюме спортивного покроя, да к тому же еще с дымящейся сигаретой в руке.

Он заговорил бы, если б мог, но он слишком поражен.

Ну-с, сэр?

Гай (постепенно приходя в себя). Я собирался задать вам тот же вопрос, сэр.

Билдер (весь багровый, едва сдерживается). Ведь это не ваша квартира?

Гай. И не ваша, сэр.

Билдер. Могу я спросить, знаете ли вы, чья она?

Гай. Моей сестры.

Билдер. Вашей... Вы!..

Миссис Билдер. Джон!

Билдер. Не будете ли вы так любезны объяснить мне, почему ваша сестра подписывает свои картины именем моей дочери, Алены Билдер, и почему у нее вон там висит фотография моей жены?

Молодой человек смотрит на миссис Билдер и вздрагивает, но быстро берет себя в руки.

Гай (смело). Но это действительно мастерская моей сестры. Сестра сейчас во Франции... а здесь у нее гостит приятельница.

Билдер. А! И у вас есть ключ?

Гай. Это ключ моей сестры.

Билдер. Ваша сестра бреется?

Гай. Н-нет, не думаю.

Билдер. Нет! Тогда вы, может быть, объясните мне, что это значит? (Показывает ремень и кисточку.)

Гай. А-а! М-м... Вот эти вещи?

Билдер. Да. Ну?

Гай (обращаясь к миссис Билдер). Следует ли нам обсуждать это в вашем присутствии, сударыня? Дело довольно щекотливое.

Билдер. Как вы собираетесь это объяснить?

Гай. Видите ли...

Билдер. Только не крутите, выкладывайте начистоту!

Гай (решительно). Я предпочитаю не отвечать.

Билдер. Как вас зовут?

Гай. Гай Херрингем.

Билдер. Вы живете здесь?

Гай молчит.

Миссис Билдер (Гаю). Мне кажется, вам лучше уйти.

Билдер. Джулия, может быть, ты все-таки предоставишь это мне?

Миссис Билдер (Гаю). Когда, по-вашему, должна вернуться моя дочь?

Гай. Сейчас... сию минуту.

Миссис Билдер (спокойно). Вы женаты на ней?

Гай. Да. То есть... нет; я хочу сказать, не совсем.

Билдер. Что такое? Повторите!

Гай (скрестив руки). Я не скажу больше ни слова.

Билдер. Зато я скажу.

Миссис Билдер. Джон... прошу тебя!

Билдер. Не суйся не в свое дело! Пока что я был удивительно терпелив. (Ткнув башмаком в картину.) Искусство! Вот к чему оно приводит. Вы тоже художник?

Гай. Нет, я летчик. По правде говоря...

Билдер. Правда - от вас? Не желаю слушать. Я подожду свою дочь.

Гай. Если вы собираетесь это сделать, то, надеюсь, будете настолько добры, что поговорите с ней более деликатно. Если вы рассердитесь, я тоже могу рассердиться, и это будет выглядеть довольно непривлекательно.

Билдер. Будь я проклят!

Гай. Как вам угодно, сэр. Но я надеюсь, что вы, как воспитанный человек, возьмете себя в руки до ее прихода, если вы собираетесь дожидаться ее.

Билдер. Если! Вот это мне нравится!

Гай. Не хотите ли закурить?

Билдер. Я... я не нахожу слов...

Гай (успокаивающе). И не пытайтесь, сэр. (Резким движением поднимает голову и прислушивается.) Кажется, идет! (Подходит к дверям.) Да. Очень прошу вас, сэр! (Открывает дверь.) Твои родители, Атена.

Входит Атена, грациозная, покрасневшая от быстрой ходьбы. Ей двадцать два года. Вздернутая верхняя губка, прямой нос, темные волосы и блестящие глаза. Говорит медленно, певуче, с едва заметным пришепетыванием. На ней пестрое платье.

Атена. Ах! Мамочка, дорогая, здравствуй! Вот это сюрприз! А папу я уж никак не ждала - он ведь всегда держит слово. (Смотрит

пристально на Билдера, но не подходит к нему.)

Билдер (с трудом сдерживаясь). Слушай, Алена, что это все значит?

Алена. А что именно?

Билдер (показывая ремень). Ты замужем за этим... Этим...

Алена (спокойно). Собственно говоря, да.

Билдер. Законным браком?

Алена. Нет.

Билдер. Боже мой! Ты... ты...

Алена. Папа, пожалуйста, не бранись.

Билдер. Почему же ты не вышла за него замуж?

Алена. Тебе нужно много разных причин или одну, настоящую?

Билдер. С ума можно сойти! (В волнении ходит взад и вперед.)

Алена. Мамочка, дорогая, выйди, пожалуйста, в ту комнату вместе с Гаем. (Указывает на спальню.)

Билдер. Зачем?

Алена. Потому что мне не хотелось бы, чтобы она слышала эту причину.

Гай (Алене, вполголоса). Он способен на все.

Алена. Ничего, идите, идите.

Гай следует за миссис Билдер; немного поколебавшись, они уходят в спальню.

Билдер. Ну-с!

Алена. Что ж, папа, если ты хочешь знать, настоящая причина - это ты!

Билдер. Какого дьявола! Что ты хочешь этим сказать?

Алена. Гай хочет жениться на мне. В сущности, мы... Но я прониклась таким отвращением к браку, понаблюдав за тобой дома, что...

Билдер. Не дерзи! Мое терпение может лопнуть, предупреждаю тебя.

Алена. Я говорю совершенно серьезно, папа. Повторяю тебе... мы собирались пожениться, но пока что я не могу заставить себя. Ты ведь никогда не замечал, как мы, дети, следили за тобой!

Билдер. За мной?

Алена. Да. За тобой и мамой. И вообще за многим. За многим другим.

Билдер (доставая носовой платок и вытирая лоб). Нет, ты, кажется, и впрямь сошла с ума.

Атена. Безусловно, тебе так и должно казаться, дорогой папочка.

Билдер. Я тебе не "дорогой"! Ну и что же вы заметили? Может быть, ты считаешь, что я плохой муж и отец?

Атена. Посмотри на маму. Впрочем, теперь ты, вероятно, не в состоянии понять, в чем дело, ты слишком привык к ней.

Билдер. Разумеется, я привык к ней. А для чего же еще женятся?

Атена. Для этого... и для того, чтобы производить на свет таких, как я. Но это еще не оправдание. Ты не должен был подавать нам такой превосходный пример.

Билдер. Ты говоришь самую несусветную чепуху, какую я когда-либо слышал. (Поднимая руки.) Я охотно вытряс бы из тебя эти идеи.

Атена. Может быть, мне позвать Гая?

Он опускает руки.

Признайся, ты ужасно устал быть хорошим мужем и отцом? Во всяком случае, мы от этого устали.

Билдер (ища спасения в иронии). Когда ты покончишь со своими шуточками, может быть, ты скажешь мне, почему ты поступила как простая уличная девка?

Атена (просто). Мне было невыносимо думать о Гае как о семейном человеке, вот и все, решительно все. Это не его вина, ему-то ужасно хотелось стать семьянином.

Билдер. Значит, ты нас опозорила; вот что это означает.

Атена. Хоть мне и неприятно говорить тебе это, но ты сам во всем виноват.

Билдер (с искренним изумлением). Я просто не могу понять, о чем ты толкуешь. Я всегда был только тверд и больше ничего! Нетерпелив, может быть. Я не ангел. Обыкновенные, нормальные люди ангелами не бывают. Я никогда не отказывал вам, девочкам, ни в каких удобствах, ни в каких развлечениях.

Атена. Ни в чем, кроме права иметь свою волю.

Билдер. На что вам своя воля, пока вы незамужем?

Атена. Ты забываешь о маме!

Билдер. А при чем тут мама?

Атена. Уж она-то замужем в большей степени, чем кто бы то ни было. А есть у нее своя воля?

Билдер (угрюмо). Она научилась понимать, когда я прав.

Атена. А я не собираюсь учиться понимать, когда Гай прав и когда неправ. Маме сорок один год. Двадцать три года из сорока одного она была твоей женой. Это очень долгий срок, папа. Разве ты никогда не смотришь на ее лицо?

Билдер (где-то в глубине души несколько смущенный). Чушь!

Атена. Я не хочу, чтобы и мое лицо стало таким же.

Билдер. Раз у тебя подобные взгляды на брак, чего ради ты вообще связалась с мужчиной? Ну, говори!

Атена. Потому что влюбилась.

Билдер. Любовь ведет к браку... и ни к чему другому, разве что на панель! Какой пример ты подаешь сестре!

Атена. А ты так же мало знаешь Мод, как и меня. Имей в виду, что у нее тоже есть своя воля.

Билдер. Послушай, Атена... Я всегда имел привычку смотреть в лицо фактам. Что сделано, того не воротишь, но кое-что можно еще исправить. Ты должна выйти замуж за этого... Немедленно, прежде чем вся история выйдет наружу. Он поступил как негодяй, но ты сама признаешься, что вела себя еще хуже. Вы заразились этой современной болезнью, этим... этим полнейшим отсутствием чувства приличия. В некоторых вещах есть извечный порядок, и брак - одна из подобных вещей, в сущности, даже главная. Ну, вот что, дай мне обещание, и я приложу все усилия, чтобы забыть эту историю.

Атена. Когда мы поссорились, папа, ты сказал, что тебе безразлично, что будет со мной.

Билдер. Я был сердит.

Атена. Ты и сейчас сердишься.

Билдер. Ну, Атена, довольно ребячиться! Обещай мне!

Атена (задрожав). Нет! Мы уже вот-вот собирались это сделать сами. Но после того, как я снова увидела тебя... Бедная мама!

Билдер (в страшном гневе). Это - настоящее богохульство. Что ты все сводишь к разговору о матери? Если ты думаешь, что... что она никогда... что она всегда...

Атена. Папа!

Билдер. Будь я проклят, если соплашусь с подобной несправедливостью. Твоя мать может... она может довести человека до

бешенства, вот что. Ты себе и не представляешь... Она... она... В ней подавлены все чувства! В ней нет... У нее... у нее холодная кровь!

Атена. Так я и знала!

Билдер (поняв, что он подтвердил какую-то ее мысль, которую отнюдь не собирался подтверждать). Что такое?

Атена. А ты никогда не смотришь на свое собственное лицо, папа? Например, когда бреешься.

Билдер. Конечно, смотрю.

Атена. На нем нет выражения полной удовлетворенности, не так ли?

Билдер. Не понимаю, что ты плетешь.

Атена. Это не в твоей власти, но ты был бы куда счастливее, если б ты был мусульманином и две или три женщины вместо одной научились бы... научились бы понимать, когда ты прав.

Билдер. Ну, знаете! Это уже совершенно чудовищно!

Атена. Правда часто бывает чудовищной!

Билдер. Замолчишь ты или нет?

Атена. Мне не хотелось бы когда-нибудь пожалеть Гая за то, что он не мусульманин.

Билдер. Ты самая распущенная... Мне стыдно, что ты моя дочь. Если бы твоя мать когда-нибудь вела себя так, как ты теперь...

Атена. Ты был бы тверд с нею?

Билдер (ему действительно становится не по себе от этой непривычной для него насмешки, с которой он сталкивается на каждом шагу). Замолчи, ты!..

Атена. Разве мама никогда не восставала?

Билдер. У тебя совершенно извращенные взгляды. Делай что хочешь, иди хоть к дьяволу, я умываю руки.

Атена. Домой я не вернусь, папа.

Билдер (распахнув дверь в спальню). Джулия! Идем! Здесь нам больше нечего делать.

Входит миссис Билдер, за ней Гай.

Что касается вас, сэр, если вы начинаете с того, что позволяете бабе забивать вам голову своими сумасбродными идеями о браке, я могу сказать вам только одно: я вас презираю. (Идет к входной двери, его жена за ним. Атене.) С тобой у меня все кончено! (Уходит.)

Миссис Билдер, которая, казалось, собиралась последовать за ним, быстро закрывает дверь и остается в мастерской. Она стоит, все так же слегка

улыбаясь, глядя на молодых людей.

Атена. Мне очень жаль, мама; но разве ты не видишь, как папа отпугнул меня от семейной жизни?

Миссис Билдер. Не все мужчины одинаковы, дорогая.

Гай. Я всегда говорил ей это, сударыня.

Атена (нежно). Ах, мамочка, мне так жаль тебя.

Ручку двери дергают, затем в дверь стучат кулаком.

(Топают ногой и зажимают уши.) Как это отвратительно!

Гай. Может быть, мне?..

Миссис Билдер (покачивая головой). Я ухожу. (Атене.) Ради меня, Атена.

Атена. О, если бы кто-нибудь проучил его!

За сценой слышен голос Билдера: "Джулия!"

Ты пыталась когда-нибудь, мама?

Миссис Билдер смотрит на молодого человека, который отходит подальше в сторону.

Миссис Билдер. Атена, ты неправа. Я всегда давала ему отпор по-своему.

Атена. Ах, вот что! Но ты только послушай, мама!

Стук и дерганье ручки возобновились; слышен голос: "Ты идешь?"

(Страстно.) И это называется семейной жизнью! Отец был, наверно, неплохим человеком до того, как женился. А теперь - вот полюбуйтесь!.. Как ты только можешь выносить...

Миссис Билдер. Он просто вспылил, дорогая.

Атена. Но это гадко.

Миссис Билдер. В жизни иначе не бывает, Атена!

Раздается один громкий удар в дверь.

Атена. Если он еще будет колотить в дверь, я закричу!

Миссис Билдер улыбается, качает головой и направляется к двери.

Миссис Билдер. Послушай, дорогая, будь же благоразумна ради меня. Право же, так лучше. Если я это говорю, значит, так и есть. Это

все комедия, Атена.

Атена. Трагедия!

Гай (обернулся к ним). Послушайте! Давайте я его спроважу?

Миссис Билдер качает головой и открывает дверь. За дверью стоит разъяренный

Билдер.

Билдер. Может быть, ты пойдешь со мной и оставишь эту девку с ее подлецом?

Миссис Билдер быстро выходит, и дверь закрывается. Гай в гневе делает

движение к двери.

Атена. Гай!

Гай (обернувшись к ней). Вполне достойный финал! Как все это убедительно! (Вынимает из кармана обручальное кольцо и разрешение на брак.) Ну вот! Что мы теперь будем делать со всем этим?

Атена. Сожжем!

Гай (медленно). Не торопись... Неужели ты думаешь, что я когда-нибудь стану таким, Атена?

Атена. Брак творит чудеса.

Гай. Благодарю.

Атена. О Гай, не будь таким злым. Я чувствую себя ужасно.

Гай. А как, ты думаешь, чувствую себя я, когда меня называют подлецом?

Они оборачиваются и видят Энни в пальто и шляпе, с чемоданом в руке,

выходящую из кухни.

Энни. О миссис, извините, мисс, я хочу уехать домой.

Гай (выведенный из себя). Она хочет уехать домой... она хочет уехать домой!

Атена. Гай! Хорошо, Энни.

Энни. О, благодарю вас, мисс. (Проходит мимо них.)

Атена (вдруг). Энни!

Энни останавливается и поворачивается к ней.

Чего вы испугались?

Энни (довольно смело). Я могу заразиться этим от вас, мисс! Я боюсь...

Атена. Кого? Своих родных?

Энни. О нет, мисс, вас. Наслушаюсь тут. Видите ли, один молодой человек хочет жениться на мне... А если я не соглашусь, то могу попасть в беду.

Атена. Что у вас за родители, Энни?

Энни. А я об этом никогда не думала, мисс, да и думать не собираюсь.

Атена. Вы хотите сказать, что никогда не замечали, как они обращаются друг с другом?

Энни. Да они никак не обращаются друг с другом, мисс.

Атена. Вот именно!

Энни. У них нет времени на это. Мой отец - машинист.

Гай. А кто ваш молодой человек, Энни?

Энни (в замешательстве). Ну, вроде вас, сэр. Но очень приличный.

Атена. А что если вы выйдете за него замуж и он будет обращаться с вами, как с мебелью?

Энни. Я... я могу ответить ему тем же, мисс.

Атена. Напрасно надеетесь, Энни!

Энни. Он очень тихий.

Атена. Потому что сейчас вы ему нравитесь. А вот увидите, что будет, когда он привыкнет к вам.

Энни смотрит на Гая.

Гай. Не верьте ей, Энни. Если он человек порядочный...

Энни. О да, сэр.

Атена (сдерживая улыбку). Разумеется... но дело в том, Энни, что брак все меняет.

Энни. Да, мисс, вот так и я думала.

Атена. Вы меня не понимаете. Я хочу сказать, что, когда он не будет бояться потерять вас, он может стать совсем другим.

Энни (медленно, разглядывая свой большой палец). О! Я не... думаю... что он будет лупить меня, мисс. Конечно, наперед ничего не скажешь!

Атена. Что ж, я не имею права вам указывать,

Энни. О да, мисс, я как раз так и думала.

Гай. Вы совершенно правы, Энни... здесь вам не место.

Энни. Видите ли, мы не можем пожениться, сэр, пока он не получит прибавку. А тут у меня вечно будет соблазн...

Атена. Ну, хорошо, Энни. Надеюсь, что вы потом не пожалеете.

Энни. О нет, мисс.

Гай. Слушайте, Энни, не думайте о нас плохо; мы и не предполагали, что вы знаете о том, что мы не женаты.

Атена. Никак не предполагали.

Энни. О! Мне казалось это невежливо - замечать...

Гай. Мы просим у вас прощения.

Энни. О, что вы, сэр! Только, когда я увидела, как мистер и миссис Билдер расстроены, я призадумалась. Ведь мой папаша чуть что, так сразу за ремень...

Атена. Ну, вот вам! *Force majeure!* {Непреодолимая сила! (франц.).}

Энни. О да, мисс!

Атена. Что ж, прощайте, Энни. Что вы скажете своим родным?

Энни. О, я, конечно, не стану говорить, что жила в семье, которая... не семья, мисс. Из этого ничего хорошего не выйдет.

Атена. Вот ваше жалованье.

Энни. О, я вас подвела, мисс. (Берет деньги.)

Атена. Пустяки, Энни. А вот вам деньги, чтобы доехать до дому.

Энни. О, благодарю вас, мисс. Мне очень жаль. Конечно, если вы надумаете... (В смущении умолкает.)

Атена. Вряд ли...

Гай (коротко). Прощайте, Энни. Вот вам пять шиллингов на кино.

Энни. О, прощайте, сэр, и благодарю нас. Я как раз собиралась туда со своим молодым человеком. Он ждет меня за углом.

Гай. Будьте с ним осторожнее.

Энни. О да, сэр, обязательно. Прощайте, сэр. Прощайте, мисс. (Уходит.)

Гай. Значит, у ее отца тоже твердая рука. Но мысль об этом заставляет ее возвращаться в родное гнездо. Как это объяснить, Атена?

Атена (крутит кожаную пуговицу на его куртке). Если б ты наблюдал это с самого раннего детства, если б ты видел, как это убивает все... Главное тут - ощущение власти. Я знаю, что у отца есть много достоинств.

Гай. Ну, они не очень бросаются в глаза.

Атена. Он страшно много и упорно работает; он честен и настойчив. И совсем не скуп. Но он слишком многое подавлял в себе... и вот к чему это привело. Я не хочу, чтобы ты что-либо подавлял в себе, Гай.

Гай (мрачно). По-видимому, никогда нельзя знать, что у тебя самого творится в голове. Да, если бы твой отец сегодня не пришел сюда... (Крутит обручальное кольцо.) Он действительно заставляет человека призадуматься. Бил он тебя когда-нибудь?

Атена. Да.

Гай. Скотина!

Атена. Но с самыми лучшими намерениями. Видишь ли, он член муниципального совета и к тому же мировой судья. По-видимому, им всем полагается быть "твердыми". Однажды Мод и я пробрались послушать, как он ведет судебное разбирательство. Какая-то женщина просила защиты от мужа. Если б он знал о нашем присутствии, его хватил бы удар.

Гай. Он помог ей?

Атена. Да, он заставил ее вернуться к мужу. Разве это не... по-английски?

Гай (проворчав что-то). Черт подери! Не все же мы такие.

Атена (продолжая крутить пуговицу). Мне кажется, что все дело в этом собственническом чувстве, которое засело настолько глубоко, что многие даже не подозревают о нем. Отец умеет говорить о свободе так, как о ней говорят политические деятели.

Гай (надевая ей кольцо на палец.) Ну что ж! Посмотрим, во всяком случае, как это будет выглядеть!

Атена. Не играй с огнем, Гай!..

Гай. Нет, дорогая, в атавизме все-таки что-то есть, безусловно, есть. Мне это нравится... вот нравится, и все тут!

В дверь стучат.

Атена. Как будто опять Энни.

Открой! Гай (открывая дверь). Она самая. Входите, Энни! Ну, что еще случилось?

Энни (входит в замешательстве). О сэр, извините, сэр... я сказала своему жениху...

Атена. Ну, и что он говорит?

Энни. Он был в ужасе, мисс.
Гай. Вот как, черт его подери! От нашего поведения?
Энни. О нет, сэр, от моего.
Атена. Но ведь вы же сделали все, что могли, - вы ушли от нас.
Энни. О да, мисс. Вот потому-то он и пришел в ужас.
Гай. Это говорит в его пользу.
Энни (польщенная). Да, сэр. Он сказал, что у меня нет силы воли.
Атена. Значит, вы хотите вернуться?
Энни. О да, мисс.
Атена. Ну, хорошо.
Гай. Но вы же можете заразиться?
Энни. О сэр, он сказал, что от этого хорошо помогает английская соль.
Гай. Он шутник, ваш жених.
Энни. Он служил в армии, сэр.
Гай. А вы говорили, что он вполне приличный молодой человек.
Энни. О да, сэр, но все-таки не настолько.
Атена. Что ж, Энни, снимайте пальто и накрывайте на стол.
Энни. О да, мисс. (Слегка приседает и отправляется на кухню.)
Гай. Сила воли! Проявила бы и ты ее хоть немножко, Атена, а?
(Протягивает ей разрешение на брак.)
Атена. Не знаю! Не знаю! Если все пойдет не так, то...
Гай. Не пойдет. Соглашайся! В жизни приходится рисковать.
Атена (смотрит ему в глаза). Гай, обещай мне... торжественно, что мы никогда не будем становиться друг другу поперек дороги.
Гай. Решено! Договорились!
Они обнимаются. Атена прильнула к нему. Он пылко прижимает ее к себе; в это время входит
Энни с формой для теста. Они отскакивают друг от друга.
Энни. Ой!
Гай. Ничего, Энни. Инфекция будет грозить вам только один день. Завтра утром мы поженимся.
Энни. Ах вот как, сэр. Вот уж мистер Билдер обрадуется.
Гай. Гм! Мы, собственно, не по этой причине...
Энн я (бесхитростно). Ну, конечно, сэр! Но ведь иначе вы не можете быть семьей, правда?
Гай. Что это у вас там?

Энни проходит через сцену с формой и останавливается у дверей спальни.

Энни. О, простите, сударыня, я должна была передать вам. Очень важно, от мисс Мод Билдер: "Берегись! Папа едет к тебе!" (Выходит.)

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Кабинет Билдера. Мод только что заложила лист бумаги в пишущую машинку и

сидит за столом лицом к зрителям, ее руки лежат на клавишах машинки.

Мод (говорит сама с собой). Я должна добиться этого выражения. (Ее лицо становится хитрым и настороженным. Она встает и бросается к зеркалу над камином, внимательно изучает выражение своего лица и, вернувшись к столу, снова садится, положив руки на клавиши, сохраняя все то же выражение и даже несколько усилив его.)

Дверь справа открывается, и входит Топпинг. Он смотрит на Мод, которая

скосила на него глаза, не поворачивая головы.

Топпинг. Завтрак давно готов, мисс Мод.

Мод. Я не хочу есть. Исполнили вы мое поручение?

Топпинг. Мисс Алены не было дома. Я передал все молодой особе. Она выглядит немножко неопытной, мисс. Но надеюсь, все пройдет гладко. Значит, завтрак подать позже?

Мод. Если не все пройдет гладко, им вряд ли захочется есть, Топпинг.

Топпинг. Раз вы так думаете, мисс, может быть, я успел бы сбежать к своему зубному врачу. (Прикладывает палец к щеке.)

Мод (улыбаясь). Ах, да! Ведь сегодня скачки! На кого же вы ставите, Топпинг?

Топпинг (подмигнув и перенося палец к носу). Не думаю, чтобы вы слышали об этой лошадке, мисс; ее кличка "Цесаревич".

Мод. Уже что-нибудь поставили?

Топпинг. Последний грош, мисс.

Мод. Значит, дело веское?

Топпинг. И похуже лошади приходили первыми к финишу. (С легким оттенком восторженности.) Темная лошадка - выдача будет не меньше, как двадцать к одному, мисс Мод.

Мод. Поставьте за меня десять шиллингов, Топпинг, Мне сейчас нужно как можно больше денег.

Топпинг. Не вам первой, мисс.

Мод. Послушайте, Топпинг, вы что-нибудь понимаете в кино?

Топпинг (кивает). Почти как специалист, мисс.

Мод. Ну, тогда встаньте туда и скажите мне ваше мнение.

Топпинг идет направо.

(Мод склоняется над машинкой; руки ее бегают по клавишам, затем останавливаются; лицо приобретает выражение, которое она ему только что придавала. Она еще раз настораживается, скашивает глаза, потом медленно поворачивает голову и наконец, принимает нормальный вид и говорит.) Ну, как я выглядела?

Топпинг. Как преступница, мисс.

Мод (торжествующе). Вот видите! Значит, мне удалось?

Топпинг. Я, конечно, не могу сказать, какое преступление вы совершили, но, видимо, дельце было не мелкое.

Мод. Да, они у меня здесь. (Хлопает себя по груди.)

Топпинг. Неужели, мисс?

Мод. Да, да. Вся соль вот в чем: это психологический момент.

Топпинг. В самом деле, мисс?

Мод. Что будет естественнее: если я дотронусь до них или успею вовремя удержаться? Видите ли, я одна; в комнате, и надо решить: застыну ли я от страха, что меня увидят, хотя знаю, что меня никто не увидит. Эти довольно тонкая задача.

Топпинг. Мне думается, вы удержитесь, мисс.

Мод. Мне тоже. Дотронуться до них (прикладывает руку к груди) будет немножко навязчиво, не правда ли?

Топпинг. Если зрители знают, что они у вас тут.

Мод. О да, они видели, как я их прятала. Давайте я вам и это покажу. (Открывает ящик, вынимает оттуда кусочки сургуча и, всячески подчеркивая, что делает это украдкой, прячет их у себя на груди.) Правильно?

Топпинг (кивает). Отлично, мисс. У вас лицо и вправду прямо для кино. А что они такое, позвольте узнать?

Мод (вытаскивая сургуч). Фамильные брильянты Феншоу. Здесь тоже надо решить одну деталь, Топпинг. Что было бы естественнее в жизни: положить их сюда (указывает на грудь) или в сумочку?

Топпинг (дотрагиваясь до жилета, серьезно). Ну, положить их сюда, мисс, будет, пожалуй, более... более... пси... пши... психологично.

Мод (сдерживая улыбку). Да, но...

Топпинг. Видите ли, тогда они на вас...

Мод. Но ведь в этом-то все и дело! А не естественнее ли подумать: в сумочке будет безопаснее - в крайнем случае я могу заявить, что кто-то мне их подкинул. А сюда мне их никто подкинуть не может, понимаете?

Топпинг. Ну, это зависит, я бы сказал, от вашего характера, мисс. Я, конечно, не знаю, какой у вас характер.

Мод. В том-то вся и беда - автор тоже не знает. Все должна решать я сама.

Топпинг. В таком случае я позволю себе сказать, мисс: положите их сюда. Это будет правильнее.

Мод. Да, пожалуй, вы правы. Это более естественно.

Топпинг. Я не знал, что у вас к этому склонность, мисс Мод.

Мод. Больше чем склонность, Топпинг, - талант!

Топпинг. Ну что ж, я считаю, что у нас у всех есть какие-нибудь тайные пороки. Но на вашем месте, я не стал бы играть на скачках, мисс, раз уж у вас есть это, другое. Если и то и это, так вам будет, пожалуй, трудновато.

Мод. Ну, тогда поставьте десять шиллингов только в том случае, если вы уверены, что она придет первой. Можете переслать мне потом деньги по почте. Я сообщу вам свой адрес, Топпинг, - ведь я уеду.

Топпинг (озадаченно). Что? И вы тоже уезжаете, мисс Мод?

Мод. Искать счастья.

Топпинг. А, черт побери, мисс, подумайте, что тут будет без вас. Когда уехала мисс Атена, у нас и так стало... довольно скверно. А теперь все вообще полетит вверх тормашками, уверяю вас.

Мод. Да, я понимаю, что вам будет некоторое время трудновато, когда я уеду. Я буду жить с мисс Балдини. Я училась у нее. Она-то и рекомендовала меня этой кинокомпании. Меня будут пробовать на роль преступной машинистки в фильме "Разбитое сердце Миранды".

Топпинг (от удивления забыв о почтительности). Да неужто! Названьице вполне для кино. А хозяину вы об этом скажете, мисс?

Мод кивает.

Тогда я лучше отправлюсь к зубному врачу, прежде чем начнется вся эта музыка.

Мод. Идите, Топпинг. Будем надеяться, что вам не вырвут лишнего зуба.

Топпинг (ухмыляясь). Все в руках божьих, мисс, как пишут в титрах. (Уходит.)

Мод потягивается и прислушивается.

Мод. Кажется, они. Так и дрожу вся от страха... (Убегает направо.)

Билдер (входит из передней, идет к камину). Чудовищно! Просто чудовищно!

Из передней входит Камилла. У нее в руках маленькая книжечка для сбора

пожертвований.

Что такое, Камилла?

Камилла. Сестра из общины Святого Сердца, мосье, собирает на сирот.

Билдер. Мне некогда... На что, на что?

Камилла. На сирот, мосье.

Билдер. Гм! Ладно... (Сует руку во внутренний карман пиджака.)
Передайте ей. (Вручает Камилле пятифунтовую банкноту.)

Камилла. Она будет так благодарна за бедных малюток. Мадам велела передать, что не хочет завтракать, мосье.

Билдер. Я тоже не хочу завтракать. Скажите Топпингу, чтобы он дал мне чашку кофе.

Камилла. Топпинг ушел к зубному врачу, мосье; у него зуб разболелся.

Билдер. Зуб разболелся! Бедняга! Гм! Я жду брата, но не знаю, смогу ли принять его.

Камилла. Слушаю, мосье.

Билдер. Попросите сюда миссис Билдер. (Смотрит на нее, их взгляды встречаются, и он отводит глаза.)

Камилла. Да, мосье.

Камилла отворачивается, и он быстро окидывает ее взглядом с головы до ног. Она поворачивает голову и ловит этот взгляд. Он поспешно опускает глаза.

Не пожелает ли мосье чего-нибудь закусить?

Билдер (покачав головой, отрывисто). Нет. Принесите кофе!

Камилла. Мосье плохо себя чувствует?

Билдер. Нет, отлично!

Камилла (строит глазки). Отбивную котлетку? Да?

Билдер (в его глазах вспыхивает слабый огонек, но он сейчас же гасит его). Нет, нет. Ничего!

Камилла. И мадам тоже ничего! О-ля-ля! (Берется за ручку двери, снова оборачивается, и их взгляды опять на мгновение встречаются; она выходит.)

Билдер (застыв на месте, смотрит на дверь). Эта девушка действует мне на нервы! Она опасна! Ну и жизнь! Мне кажется, что она...

Дверь справа открывается, входит миссис Билдер.

Сейчас принесут кофе; он хорошо помогает от головной боли. Послушай, Джулия, я жалею, что колотил в дверь. Приношу свои извинения. Я был вне себя. Как мне хотелось бы избавиться от этих приступов ярости! Но... черт побери! Я не мог уйти и оставить тебя там.

Миссис Билдер. А почему бы и нет?

Билдер. Ты все таишь в себе. Да, да, я никогда не знаю, о чем ты думаешь. Что ты сказала ей?

Миссис Билдер. Сказала, что ничего хорошего из этого не выйдет.

Билдер. И то ладно. Афина сошла с ума. Как ты думаешь, она сказала правду, что этот молодчик хочет жениться на ней?

Миссис Билдер. Я в этом уверена.

Билдер. Подумать только, ведь как ее воспитывали! Можно было предполагать, что одного влияния религии...

Миссис Билдер. Девочки уже много лет не хотели ходить в церковь. Они всегда говорили, что не понимают, чего ради они должны ходить туда, неужели только для того, чтобы поддерживать твой престиж? Не знаю, помнишь ли ты, как однажды ты высек их за то, что они утром в воскресенье убежали гулять?

Билдер. Ну и что же?

Миссис Билдер. С тех пор они потеряли последние остатки религиозности.

Билдер. Гм! (Прошелся по комнате.) Что же делать с Атенной?

Миссис Билдер. Ты же сказал, что отрекся от нее.

Билдер. Ты прекрасно знаешь, что я этого не думал. С таким же успехом я мог сказать, что отрекся от тебя! Ну подумай хоть немножко, Джулия! Все это может выплыть наружу в любой момент. В таком городишке, как наш, ничего не скроешь. Как я могу теперь выставить свою кандидатуру в мэры?

Миссис Билдер. Может быть, Ральф сумеет помочь?

Билдер. Что? Уж его-то дочери никогда не делали ничего постыдного, а жена у него образец, достойный всяческого подражания.

Миссис Билдер. Да, зато сам Ральф совсем не семейный человек.

Билдер (сверля ее взглядом). Как мне не нравится твоя манера все переиначивать. Все у тебя звучит иронически. Это не... по-английски.

Миссис Билдер. Я не виновата, что родилась на Джерси.

Билдер. Да, это, видимо, у тебя в крови. Французы... (Внезапно умолкает.)

Миссис Билдер. Да?

Билдер. Они иногда страшно действуют на нервы обыкновенному англичанину... вот и все.

Миссис Билдер. Может быть, отказать Камилле?

Билдер (уставился на нее, потом опустил глаза). Камилле? При чем тут она?

Миссис Билдер. Я думала, что, может быть, она действует тебе на нервы.

Билдер. Почему вдруг?

Камилла с подносом входит из столовой.

Поставьте здесь. И дайте мне, пожалуйста, коньяку.

Камилла. Сейчас принесу, мосье. (Со скромным видом уходит обратно в столовую.)

Билдер. У бедняги Топпинга разболелся зуб! (Наливает кофе.) Можешь ты предложить какой-нибудь способ образумить Атену? Подумай только, какой она подает пример! Того и гляди, Мод тоже что-нибудь выкинет. Как я буду смотреть людям в глаза?

Миссис Билдер. Боюсь, в этом я ничем не смогу быть тебе полезна.

Билдер (раздраженно). Послушай, Джулия! Эта возмутительная девчонка что-то сказала мне о нашей с тобой совместной жизни. В

ней-то что не так?

Миссис Билдер. Она тоже действует на нервы.

Билдер. Говори яснее.

Миссис Билдер. Мы прожили с тобой двадцать три года, Джон. Никакие разговоры не смогут этого изменить.

Билдер. Может быть, дело в деньгах? Если тебе нужно больше, скажи. Ты же знаешь.

Миссис Билдер улыбается.

Ах! Пожалуйста, не улыбайся так, мне становится тошно от твоей улыбки!

Камилла входит с графинчиком и рюмками на подносе.

Камилла. Вот коньяк, мосье. Пришел мистер Ральф Билдер.

Миссис Билдер. Попросите его сюда, Камилла. Камилла. Слушаю, мадам. (Выходит в переднюю.)

Миссис Билдер идет по направлению к двери, навстречу Ральфу Билдеру, человеку несколько старше Джона Билдера, совершенно иного сложения и с другими манерами. У него приятное, чуть насмешливое лицо, волосы с проседью.

Миссис Билдер. Джон хочет посоветоваться с вами, Ральф.

Ральф. Весьма польщен.

Она выходит, оставив братьев вдвоем. Они пристально глядят друг на друга.

Насчет Уэльского контракта?

Билдер. Нет. Дело в том, Ральф, что случилось нечто ужасное.

Ральф. Алена ушла из дому и вышла замуж?

Билдер. Нет. Она... она ушла и... не вышла замуж. (Ральф сочувственно свистит.) Как тебе это нравится?

Ральф. А за кого?

Билдер. Невоспитанный мальчишка, летчик.

Ральф. Но почему же...

Билдер. Представь себе, какая-то сумасбродная чушь по поводу семейной жизни!

Ральф. Алена - очень интересный человек. Нынешняя молодежь вся такая странная и восхитительная.

Билдер. Ей-богу, Ральф, ты можешь благодарить небо, что у тебя нет такой восхитительной дочки. Твои дочери - хорошие, достойные девушки.

Ральф. Алена во всех отношениях хорошая и достойная девушка, Джон. Бьюсь об заклад на что угодно, она поступила так во имя самых высоких принципов.

Билдер. Она ведет себя, как...

Ральф. Не говори того, о чем будешь жалеть, дружище! Алена всегда относилась ко всему серьезно... Бедняжка!

Билдер. Джулия считает, что ты можешь помочь. У вас-то ведь никогда не бывает семейных неприятностей.

Ральф. Да-а. Пожалуй, не бывает.

Билдер. Чем ты это объяснишь?

Ральф. Надо спросить у своих.

Билдер. Черт побери! Ты же сам должен знать!

Ральф. Мы все очень любим друг друга.

Билдер. Я тоже очень люблю своих дочерей, но, вероятно, я недостаточно покладист, а?

Ральф. Видишь ли, у тебя иногда кровь бросается в голову. Но какова, собственно говоря, точка зрения Алены?

Билдер. Семейная жизнь - не идиллия, поэтому она считает, что у нее и ее молодого человека не должно быть семейной жизни.

Ральф. Понятно. Впечатления детства.

Билдер. Но ведь семья есть семья, черт подери! Кто-то должен быть главой семьи. Разве ты в своей семье позволяешь женщинам делать все, что им вздумается?

Ральф. Всегда.

Билдер. А что происходит, если одна из твоих дочерей хочет сделать что-нибудь выходящее за рамки приличий?

Ральф пожимает плечами.

Ты запрещаешь ей?

Ральф. А ты?

Билдер. Я пытаюсь.

Ральф. Вот именно. И в результате она делает как раз то, чего ты не хочешь. Я не пытаюсь, и у нас этого не происходит.

Билдер (с коротким смешком). О господи! Ты, наверно, считаешь, что мне нужно смиренно сказать Алене, чтобы она продолжала жить во грехе, оскорбляя общественное мнение, и что я ее на это благословляю?

Ральф. Я думаю, что, если бы ты это сделал, она бы вышла за него замуж.

Билдер. Ручаюсь, что ты никогда не проверял свою теорию на практике.

Ральф. Пока еще нет.

Билдер. Вот видишь.

Ральф. *Suaviter in modo* {Мягкость в обращении (лат.).} - этот принцип себя оправдывает, Джон. Да и времена сейчас уже не те, что раньше.

Билдер. Послушай-ка! Я хочу разобраться во всем до конца. Ты, значит, считаешь, что я строже большинства людей, скажем, девяти из десяти?

Ральф. Только на практике.

Билдер (недоуменно). Что ты хочешь этим сказать?

Ральф. Видишь ли, ты провозглашаешь принципы свободы, но на практике применяешь принципы самовластия.

Билдер. Гм! (Беря графинчик.) Налить?

Ральф. Нет, благодарю!

Билдер наполняет рюмку и поднимает ее.

Камилла (входит). Мадам оставила здесь свой кофе. (Подходит, берет чашку и протягивает ее Билдеру, чтобы тот налил в нее кофе; затем выходит с чашкой.)

Рюмка Билдера повисает в воздухе. Он залпом выпивает коньяк, когда Камилла закрывает за собой дверь.

Билдер. В жизни есть не только розы, Ральф!

Ральф. К сожалению, дружище.

Билдер. Иногда мне кажется, что я совсем себя не щажу. Ну, как с Уэльским контрактом?

Ральф. Мне кажется, за это стоит взяться.

Билдер. Только берись ты. По правде говоря, я слишком расстроен.

В то время, как они направляются к двери, ведущей в переднюю, из столовой

входит Мод в пальто и шляпе.

Ральф (увидав ее). Здравствуй! Все ли благополучно в твоём микрокосме, Мод?

Мод. А что такое микрокосм, дядя?

Ральф. Дорогая моя... я и сам не знаю.

Ральф уходит. Билдер за ним. Мод быстро подходит к столу, садится, опирается на него локтями, положив подбородок на руки, и смотрит на дверь.

Билдер (возвращается). Ну, Мод! Ты выиграла пари!

Мод. Папа, я... у меня есть для тебя новость.

Билдер (уставившись на нее). Новость!.. Какая?

Мод. Мне очень жаль, но я... я нашла себе работу.

Билдер. Только не говори, что ты тоже собираешься заниматься живописью, потому что я этого не потерплю.

Мод. Живопись? О нет!.. Это (решительно)... кино!

Билдер, взявший было трубку, чтобы набить, кладет ее обратно.

Билдер (внушительно). У меня нет сейчас настроения выслушивать шутки.

Мод. Я не шучу, папа.

Билдер. О чем же ты тогда говоришь?

Мод. Видишь ли, у меня... у меня фотогеничное лицо и...

Билдер. Какое лицо? (Подходит к ней и берет ее за подбородок.) Не говори чепухи! Хватит с меня и твоей сестрицы.

Мод (отстраняет его руку). Не вмешивайся в это, папа, прошу тебя! Мне всегда хотелось самой зарабатывать себе на жизнь.

Билдер. Зарабатывать! Зарабатывать!

Мод (все более решительно). Ты не можешь запретить мне это, папа, потому что материальная поддержка мне не нужна. Мне предлагают прекрасные условия.

Билдер (чуть не задохнувшись, но беря себя в руки}. Как, уже до этого дошло?

Мод. Да. Все решено.

Билдер. Кто вбил тебе это в голову?

Мод. Никто. Я давно собиралась... Не забудь, ведь мне уже двадцать один год.

Билдер. Фотогеничное лицо! Боже милостивый! Так вот что: я не допущу, чтобы моя дочь пошла в актрисы. Одному только небу известно, сколько я истратил на ваше образование - на вас обеих.

Мод. Я не хочу быть неблагодарной, но я... я не могу больше жить дома.

Билдер. Не можешь!.. Почему? Ведь тебя тут балуют изо всех сил!

Мод (четко и холодно). Меня иногда "баловали" довольно чувствительно, папа. (Нервно ежится.) Мы не забыли и не простили этого.

Билдер (немного смущенно). Ах, это! Но вы же тогда были еще совсем девчонками.

Мод. Может быть, тебе хотелось бы начать все сначала?

Билдер. Не выводи меня из себя, Мод. У меня и так уже была сегодня неприятная сцена с Атенной. Ну ладно, ладно! Брось ты все эти глупости! Право, это ребячество!

Мод (глядя на него с любопытством). Я часто слышала, папа, как ты говорил, что грош цена тому мужчине, который не прокладывает себе сам дорогу в жизни. Но по нашим законам женщины теперь равны мужчинам. И я всего лишь хочу сама проложить себе дорогу в жизни.

Билдер (пытаясь подавить раздражение). Послушай, Мод, не глупи! Подумай о моем положении: я член муниципального совета, судья, а в будущем году мэр города. Когда одна дочь живет в незаконной связи...

Мод (с живым интересом). Значит, ты их накрыл?

Билдер. Ты что - знала об этом?

Мод. Разумеется.

Билдер. Боже мой! А я-то думал, что в нашей семье все добрые христиане.

Мод. Ах, папа!

Билдер. Не смей смеяться над верой!

Мод. У добрых христиан есть только один недостаток: они вовсе не христиане!

Билдер хватается за плечи и начинает трясти. Когда он отпускает ее, она встает, бросает на него злобный взгляд и неожиданно изо всей силы

наступает ему на ногу.

Билдер (взвывая от боли). Ах ты, змееныш!

Мод (становится так, чтобы между ними оказался стол). Я не позволю, чтобы меня трясли.

Билдер (уоставившись на нее). Ты разозлила меня, и вот тебе результат. Я тебя вышколю!

Мод. Если б ты знал, как ты сейчас похож на прусского офицера!

Билдер нервно проводит рукой по лицу, как бы стирая с него что-то.

Не поможет! Это въелось слишком глубоко!

Билдер. Дочь ты мне или нет?

Мод. Во всяком случае, не по своей воле. Я никогда не любила тебя, папа. Уже с тех пор, как была вот такой... Я видела тебя насквозь. Помнишь, как ты зачастил к нам в детскую, потому что Дженни была хорошенькой! Ты думаешь, мы этого не заметили, но ты ошибаешься. А в классную? Мисс Типтон? А помнишь, как ты стучал нас лбами друг о друга? Нет, ты не помнишь, но мы помним. И...

Билдер. Ах ты, дерзкая мартышка! Ты замолчишь или нет?..

Мод. Нет, тебе придется кое-что выслушать. Ты никого по-настоящему не любишь, кроме себя, папа. Что хорошо для тебя, должно быть хорошо для всех. Я часто слышала твои разговоры о независимости, но для тебя это акционерная компания, и все ее акции в твоих руках!

Билдер. Чепуха! На независимость имеют право только те, кто может сам себя содержать.

Мод. Вот почему ты и не хочешь, чтобы я сама себя содержала.

Билдер. Да разве ты способна на это! Кино! Как бы не так! Через год ты будешь на панели. У Алены хоть есть какие-то гроши, но у тебя... у тебя же нет ничего.

Мод. Кроме моего лица.

Билдер. Лицо-то и губит женщин, дорогая моя.

Мод. И пусть, я не приду тогда к тебе за помощью.

Билдер. Имей в виду: если ты уйдешь из моего дома, я от тебя отрекись!

Мод. Да я и теперь лучше пойду мыть полы, чем останусь здесь!

Билдер (почти трагическим тоном). Будь я проклят! Послушай, Мод, тут виной моя вспыльчивость! Ты довела меня до бешенства. Я сожалею, что потрянул тебя, но ведь ты в отместку отдала мне все пальцы на ноге. Ну, образумься же! У меня и так слишком много неприятностей. Ты пользуешься всей свободой, какую только можно предоставить девушке до замужества...

Мод. Он не понимает... он просто не способен понять!

Билдер. Понять что?

Мод. Что свою жизнь я хочу прожить по-своему.

Он обходит стол, стараясь приблизиться к ней, а она отступает от него.

Билдер. Не понимаю, какая муха тебя укусила.

Мод. Микроб свободы; он носится в воздухе...

Билдер. Вот именно, и пусть он там и остается! Это - первое разумное слово, которое я от тебя услышал. Ну, хватит! Снимай шляпу и давай помиримся!

Мод смотрит на него и медленно снимает шляпу. Напряженность Билдера

исчезает, он выпускает вздох облегчения.

Вот так-то лучше! (Идет к камину.)

Мод (бросается к двери в прихожую). Прощай, папа!

Билдер (за ней). Мартышка! (Услыхав, как щелкнула задвижка, идет к окну.)

За дверью слышна какая-то возня, затем входит Камилла.

Что случилось с дверью?

Камилла. Она была заперта на задвижку, мосье.

Билдер. Кто ее запер?

Камилла (пожимая плечами). Не знаю, мосье. (Собирает чашки и останавливается около него. Вкрадчиво.) Мосье несчастлив...

Билдер (удивленно). Что? Конечно! Кто может быть счастлив в таком семействе, как мое?

Камилла. Но такой сильный мужчина... Хотелось бы мне быть сильным мужчиной, а не слабой женщиной.

Билдер (глядя на нее с невольным восхищением). А вам-то чего не хватает?

Камилла. Надо бы убрать коньяк. Налить мосье еще рюмочку?

Билдер. Нет! Впрочем, налейте.

Она наливает коньяк, он пьет, протягивает ей рюмку и вдруг опускается в кресло. Камилла ставит рюмку на поднос и ищет на каминной полке спички.

Билдер, не выдержав, обнимает ее.

Камилла. Спичку, мосье?

Билдер. Будьте добры.

Камилла (спотыкается об его ногу и падает к нему на колени).
Ах, мосье!

Билдер, не выдержав, обнимает ее.

О! Мосье!

Билдер. Ах ты, бесенок!

Она неожиданно целует его, он возвращает ей поцелуй. В то время как они занимаются этим увлекательным делом, миссис Билдер открывает дверь из передней, смотрит на них несколько секунд, не замеченная ими, и спокойно уходит. Билдер отталкивает Камиллу, то ли услышав, как закрылась дверь, то

ли почувствовав угрызения совести.

Что я делаю?

Камилла. Целуетесь.

Билдер. Я... я забылся.

Они встают.

Камилла. Это было очень... приятно.

Билдер. Я не хотел этого делать. Уходите... уходите!

Камилла. О, мосье, вы все испортили!

Билдер (пристально глядя на нее). Мне думается, что вы дьявольское искушение! Ведь вы же умышленно оступились.

Камилла. Может быть.

Билдер. Для чего это вам было нужно? Ведь я семейный человек.

Камилла. Да. Как жаль! Но не все ли равно?

Билдер (очень расстроен). Слушайте, вы! Это никуда не годится! Никуда не годится! Я... я должен думать о своей репутации!

Камилла. Я тоже! Но на это есть много времени - в промежутках!

Билдер. Я знал, что вы опасны! Я всегда это чувствовал.

Камилла. Как можно так говорить о хорошенькой женщине!

Билдер. Мы не в Париже.

Камилла (всплеснув руками). О! Как бы я хотела, чтобы мы были в Париже!

Билдер. Послушайте... я этого не допущу! Вам придется уйти. Убирайтесь! Я всегда твердо держал себя в узде, и я не намерен...

Камилла. Но я так восхищаюсь вами!

Билдер. А если бы сюда заглянула моя жена?

Камилла. О, зачем думать о таких неприятных вещах? Не будь вы так строги, вы были бы куда счастливее!

Билдер (уставившись на нее.). Вы искусительница!

Камилла. Я люблю удовольствия, а у меня их здесь нет. А у вас столько обязанностей, и вы так скучно проводите время! Но я-то ведь тут! (Потягивается.)

Билдер шумно вздыхает.

Билдер (еще немного, и он сдастся). Это все против моих... Я не пойду на это! Это... это грешно!

Камилла. О-ля-ля!

Билдер (неожиданно возмущаясь). Нет! Если бы вы считали это грехом, я бы, может быть... Но вы этого не считаете... Вы... вы просто... язычница!

Камилла. Почему же было бы лучше, если бы я считала это грехом?

Билдер. Тогда... тогда я бы знал, на что иду. А так...

Камилла. Англичане не понимают, что такое удовольствие. Все у них получается таким грубым и добродетельным.

Билдер. Слушайте, уберите, пока я не... Вон! (Идет к двери и открывает ее.)

За дверью стоит его жена в пальто и шляпе. Она входит в комнату.
Билдер,

запинаясь.

А, это ты... я хотел тебя видеть.

Камилла берет поднос и уходит направо, слегка покачивая бедрами.

Ты куда-то собралась?

Миссис Билдер. Как видишь.

Билдер. Куда?

Миссис Билдер. Пока еще не решила.

Билдер. Я хотел поговорить с тобой о... о Мод.

Миссис Билдер. С этим придется подождать.

Билдер. Она... она ушла из дому... совсем ушла и...

Миссис Билдер. Должна тебе сказать, что я случайно заглянула сюда несколько минут назад.

Билдер (в полном отчаянии). Ты? Ты... что?

Миссис Билдер. Да. Я не хочу быть помехой твоим развлечениям.

Билдер (в ужасе). Не хочешь быть помехой? Что это значит? Джулия, как ты можешь говорить подобные вещи? Да я ведь только...

Миссис Билдер. Не надо! Я видела.

Билдер. Эта девушка сама упала ко мне на колени. Джулия, она действительно упала. Она... она какой-то бесенок. Я... я ее оттолкнул. Даю тебе слово, что между нами не было ничего, кроме поцелуя, да и то при провоцирующих обстоятельствах... Я... я приношу извинения.

Миссис Билдер (наклоняя голову). Благодарю! Я все прекрасно понимаю. Но ты должен простить меня за то, что я не хочу больше играть роль холодного компресса.

Билдер. Что? Из-за такого пустяка... Из-за каких-то двух минут... и притом я делал все возможное, чтобы...

Миссис Билдер. Милый Джон, достаточно уже одного того факта, что тебе пришлось делать все возможное. Я постоянно чувствую себя униженной в твоём доме, и я хочу покинуть его... Тихо, без шума и скандала.

Билдер. Но... бог мой! Джулия, это ужасно... это нелепо! Как ты можешь? Ведь я твой муж. Право... ты говоришь, что тебе безразличны мои поступки... но ведь это неправильно, это безнравственно!

Миссис Билдер. Боюсь, ты не способен понять, что происходит с людьми, которые живут рядом с тобой. Поэтому я просто ухожу. И не стоит так волноваться.

Билдер. Послушай, Джулия, ты шутишь. Это невозможно! Подумай о моем положении! Ты никогда раньше не поступала мне наперекор.

Миссис Билдер. Раньше - нет, а теперь - да.

Билдер (поглядев на нее пристально несколько секунд). Но ведь я не дал тебе никакого повода. Я рассчитаю эту особу. Ты должна быть благодарна мне за то, что я устоял против искушения, перед которым многие не устояли бы. После двадцати трех лет совместной жизни вдруг устроить такую сцену - как тебе не стыдно!

Миссис Билдер. Я понимаю, что ты не можешь посмотреть на это иначе.

Билдер. О господи, опять эта твоя ирония! Ты мая жена, и этим все сказано; у тебя нет законного основания... Не делай глупостей.

Миссис Билдер. Прощай!

Билдер. Пойми же, что ты толкаешь меня на путь греха! А еще законная жена! Ты должна помочь своему мужу идти по пути

добродетели...

Миссис Билдер. Как это превосходно выражено!

Билдер (трагическим тоном). Не раздражай меня, Джулия! У меня был ужасный день. Сначала Алена... потом Мод... потом эта девица... а теперь еще и ты! И вот так все сразу! Как пчелиный рой вокруг головы! (Умоляюще.) Ну, хватит, Джулия, не будь такой... такой неразумной. Ты сделаешь нас посмешищем всего города. Чтобы человек в моем положении не мог сохранить свою собственную семью! Это дико!

Миссис Билдер. У твоей собственной семьи есть собственная жизнь, собственные мысли и собственные чувства.

Билдер. Ох! Это проклятое женское равноправие! Я знал, что из этого получится, когда мы дали вам право голоса. Мы с тобой муж и жена, и наши дочери - это наши дочери. Ну, Джулия... Где же твой здравый смысл? После двадцати трех лет! Ты знаешь, что я не могу обойтись без тебя!

Миссис Билдер. Можешь... и без всякого труда. А людям говори все, что тебе будет угодно.

Билдер. Боже! В жизни не слышал ничего более безнравственного от матери двух взрослых дочерей. Не удивительно, что они выросли такими! Чего вы хотите в конце концов?

Миссис Билдер. Мы просто хотим быть подальше от тебя, вот и все. Уверяю тебя, что так будет лучше. Если ты проявишь какое-то уважение к нашим чувствам и в какой-то степени признаешь, что мы существуем независимо от тебя... Мы могли бы снова стать друзьями... возможно... я не уверена.

Билдер. Другими! Господи! С собственной женой и дочерью! (Очень серьезно.) Послушай, Джулия, ты не могла столько лет прожить со мной и не понять, что я человек с сильными страстями. Я был тебе верным мужем, да, был. А это значит, что я устоял против различных искушений, о которых ты и понятия не имеешь. Если ты оставишь меня, я не отвечаю за последствия. И вообще, я не могу допустить, чтобы ты оставила меня. Я не хочу видеть, как все созданное мною идет прахом и как я теряю доброе мнение о себе окружающих. Договор есть договор. И пока я не нарушил своих обязательств - а я говорю тебе, что я их не нарушил, - ты не имеешь

права нарушать свои. Это мое последнее слово. Так что выкинь все это из головы.

Миссис Билдер. Не могу.

Билдер (веско). Разве я не содержал тебя в роскоши и довольстве?

Миссис Билдер. Мне думается, я это заслужила. Билдер. А как ты собираешься жить? Я не дам тебе ни гроша. Ну, Джулия, не глупи! Подумать только, какой-то жалкий поцелуй, от которого не удержался бы ни один мужчина, и это так на тебя подействовало!

Миссис Билдер. Камилла - только последняя капля, переполнившая чашу!

Билдер (резко). Я этого не потерплю! Так и знай!

Но миссис Билдер быстро уходит.

Джулия, я говорю тебе...

Слышно, как закрывается входная дверь.

Черт подери! Я этого не потерплю! Они все с ума посходили! Где... где моя шляпа? (Растерянно оглядывается кругом, рывком распахивает дверь, и мгновение спустя слышно, как с грохотом захлопывается входная дверь.)

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Утро следующего дня. Девять часов. Кабинет мэра Бреканриджа; комната обшита дубовыми панелями, окна не видно, двери справа на заднем и слева на переднем плане. Вся задняя стена от пола до потолка закрыта книгами; другие стены голы. Справа перед камином два кресла; у стен стулья. С левой стороны, под прямым углом к рампе, письменный стол, позади него стул. У стола стоит

Харрис; он говорит по телефону.

Харрис. Что? (Пауза.) Получилось чертовски неудобно, сержант... Мэр просто взбешен... (Слушает.) Новый полицейский? Я так и думал!.. Глупый мальчишка! Послушайте, Мартин, единственное, что остается, - это разобрать дело здесь, немедленно. Я послал за мистером Чантри, он уже выехал... Доставьте мистера Билдера и свидетелей сюда, и поживее! Поняли? И, бога ради, чтоб никто ничего не узнал! Не допускайте, чтобы газеты пронюхали об этом. Почему вы не дали ему уйти домой?.. Фонарь под глазом! У полицейского? Так ему и надо! Осел и тупица! Я хочу сказать, что это неслыханное

посягательство на престиж закона... Что ж, вы не должны, но, по крайней мере, я... Черт бы побрал эту историю! Если о ней узнают, это будет сенсация! Ладно! Как можно скорее. (Вешает трубку, ставит к письменному столу еще один стул и несколько стульев перед столом. Говорит сам с собой.) Вот заварилась каша! И кто - Джонни Билдер! Почему нынче мэры?

Звонит телефон.

Алло! Обвинение в браконьерстве? Ладно, тащите его тоже; только попридержите где-нибудь, пока мы не покончим с первым. Кстати, мистер Чантри собирается на охоту. Он захочет освободиться к одиннадцати. Что?.. Валяйте! (Вешает трубку.)

Входит мэр. У него обеспокоенный вид; в одежде все та же едва уловимая

безвкусица.

Мэр. Ну что, Харрис?

Харрис. Они будут здесь через пять минут, господин мэр.

Мэр. А мистер Чантри?

Харрис. Уже выехал, сэр.

Мэр. Были у меня в жизни щекотливые дела, Харрис, но это, знаете ли (неодобрительно фыркает), уж сверх всякой меры.

Харрис. Да, неприятное дело, сэр, весьма неприятное.

Мэр. Положите мне на стул книгу, Харрис; я люблю сидеть повыше.

Харрис кладет на стул, стоящий за письменным столом, том энциклопедии.

(Продолжает проникновенно.) Наш собрат! Один из судей! Семейный человек! Мой преемник в будущем году! Теперь уж он им, вероятно, не будет. Такие вещи не скроешь.

Харрис. Я дал Мартину указание держать все это в строжайшей тайне, сэр. Вот и мистер Чантри.

В правую дверь входит джентльмен привлекательной наружности; на нем

охотничий костюм безукоризненного вкуса.

Мэр. А-а, Чантри!

Чантри. Здравствуйте, мэр. (Кивает Харрису.) Чрезвычайно неприятная история.

Мэр кивает.

Что он там натворил?

Харрис. Набросился на одну из своих собственных дочерей с палкой и оказал сопротивление полиции.

Чантри (тихо присвистнув). На свою дочь! Возлюби ближнего своего, как самого себя!

Харрис. И еще фонарь под глазом.

Мэр. У кого?

Харрис. У полицейского.

Чантри. А почему в это ввязалась полиция?

Харрис. Не знаю, сэр. Хуже всего то, что мистер Билдер находится в участке уже со вчерашнего дня, с четырех часов. Начальник полиции в отъезде, а Мартин не хочет брать на себя ответственность.

Чантри. Черт побери, наверно, он в ярости! Джон Билдер - типичный холерик.

Мэр (кивает). Вот именно. Чрезмерная вспыльчивость и высокое чувство долга.

Харрис. Есть еще одно дело, господин мэр, - браконьерство. Я велел им подождать, пока мы закончим.

Чантри. Ну, с этим мы справимся быстро. Я хочу уйти в одиннадцать, Харрис. Я и так уже опаздываю к первому гону. Джон Билдер! Послушайте, мэр, все в руках божьих, но куда мы катимся?

Мэр. Харрис, идите приведите их сами; нельзя, чтобы слуги...

Харрис уходит направо. Оба садятся; так как на стуле мэра лежит книга, то мэр кажется несколько выше Чантри. Теперь, усевшись на судейские места, они обретают какую-то

сдержанность, словно боятся выдать свои мысли кому-то незримому.

(Внезапно произносит.) Гм!

Чантри. Подмораживает. Фазаны будут лететь прямо на выстрел - ветра нет. Люблю такие октябрьские деньки.

Мэр. Кажется, они идут. Гм.

Чантри вынимает из глаза монокль и надевает большие старомодные очки. Мэр откашливается и берет перо. Они оба не поднимают глаз, когда открывается дверь и входит небольшая процессия. Впереди идет Харрис, за ним Ральф Билдер, Алена, Херрингем, Мод, миссис Билдер, сержант Мартин, несущий тяжелую

трость с серебряным набалдашником, Джон Билдер и полицейский Мун молодой человек с подбитым глазом. Такие торжественные и мрачные фигуры

бывают разве что на похоронах. Все становятся в нестройный ряд. (Все еще не поднимая головы.) Садитесь, сударыни, садитесь.

Харрису и Херрингему удается усадить трех женщин на стулья. Ральф Билдер также садится. Херрингем стоит позади. Джон Билдер остается стоять между двумя полицейскими. Он не брит; на лице его угрожающее выражение; но он стоит, выпрямившись я глядя прямо на мэра. Харрис садится за стол сбоку,

чтобы записывать показания.

В чем он обвиняется?

Сержант. Джон Билдер, проживающий на Корнеруэйсе в Бреконридже, подрядчик и мировой судья, обвиняется в нападении на свою дочь Мод Билдер, избивении ее палкой в присутствии полицейского Муна и двух других лиц, а также в сопротивлении полицейскому Муну, находившемуся при исполнении своих обязанностей, и в повреждении глаза последнему. Полицейский Мун!

Мун (отчеканивает три шага вперед и отдает честь). Ваша милость, вчера на Ривер-Род, около трех тридцати пополудни, я услышал, что какая-то молодая женщина зовет из-за ограды: "Полицейский!" Подошел, слышу: "Идите за мной, скорее!" Я прошел за ней в мастерскую художника во дворе и там застал троих людей, между которыми происходила ссора. При моем появлении обвиняемый, тащивший в это время какую-то женщину к двери, бросился к пришедшей со мной молодой женщине. "Только посмей, папа!" - сказала она, на что он дважды ударил ее прилагаемой тростью в моем присутствии и еще при двух свидетелях, которые, насколько я понимаю, являются его женой и другой дочерью.

Мэр. Суд ваши умозаключения не интересуют.

Мун. Слушаю, сэр. Особа, которую ударили, поворачивается ко мне и говорит: "Входите. Я требую, чтобы вы задержали этого человека за оскорбление действием". Я, значит, подхожу и говорю: "Я все видел. Следуйте за мной". Обвиняемый поворачивается ко мне и говорит: "Болван, я судья". "Ладно, будет болтать! - говорю я, - так, как будто, насколько мне помнится, Вы ударили эту женщину в моем присутствии, - говорю, - а ну, давайте, следуйте за мной!" Мы тогда

уже стояли совсем рядом. Обвиняемый толкает меня и говорит: "Убирайся, идиот!" "Ничего подобного", - говорю я и беру его за локоть. Тут происходит схватка, и я получаю фонарь под глазом, который и предъявляю теперь в качестве вещественного доказательства. (С величайшей торжественностью дотрагивается до своего синяка.)

Мэр откашливается; глаза Чантри подозрительно поблескивают; Харрис низко

нагибается над столом и быстро пишет.

Во время схватки, ваша милость, появился молодой человек и по просьбе молодой женщины, той, на которую напали, помог мне взять арестованного, каковой выражался всякими словами и буйно сопротивлялся. Мы усадили его в проезжавший кэб, и я препроводил его в участок.

Чантри. Как он вел... э... себя... в э... в кэбе?

Мун. Он сидел спокойно...

Чантри. Так что, по-видимому...

Мун. Да, я скрутил ему руку за спину.

Мэр (глядя на Билдера). Есть вопросы?

Билдер неподвижен и безмолвен; мэр опускает глаза.

Сержант?

Мун отступает на два шага, а сержант Мартин выходит на два шага вперед.

Сержант. Ваша милость, вчера, без десяти четыре, полицейский Мун привез в кэбе обвиняемого в участок. После доклада Муна об обстоятельствах нападения протокол был прочитан обвиняемому с обычным предупреждением. Обвиняемый не сказал ни слова. Ввиду двойного нападения и состояния глаза полицейского, а также ввиду отсутствия начальника я счел своим долгом задержать обвиняемого на ночь.

Мэр. Обвиняемый не говорил ничего?

Сержант. Насколько мне известно, ваша милость, он не раскрывал рта с того времени и до сих пор.

Мэр. Есть вопросы к сержанту?

Билдер по-прежнему не сводит глаз с мэра, но не говорит ни слова.

Прекрасно.

Мэр и Чантри тихо совещаются; мэр кивает.

Мисс Мод Билдер, не расскажете ли вы нам все, что вы знаете об этом... э... происшествии?

Мод (встает, оглядывается по сторонам). Это обязательно?

Мэр. Боюсь, что да.

Мод (посмотрев на отца, который все еще не сводит глаз с мэра). Я... я хочу взять назад свое обвинение, если можно. Я... я не собиралась предъявлять его. Я очень рассердилась... я была ослеплена гневом.

Мэр. Понимаю. Э... э... семейная неурядица. Хорошо, это обвинение снимается. Поскольку вы, кажется, не пострадали, так будет лучше всего. Ну, а теперь скажите, что вы знаете о нападении на полицейского? Он правильно передал факты?

Мод (в замешательстве). Д-да... Только...

Мэр. Ну? Скажите нам всю правду.

Мод (решительно). Только мне кажется, что не отец ударил полицейского. Его ударила палка.

Мэр. Ах, палка? Но ведь... э... палка была у вашего отца в руке, не так ли?

Мод. Да, но я хочу сказать, что отец был ослеплен гневом и постовой был ослеплен гневом, и палка взлетела в воздух и ударила полицейского в глаз.

Чантри. И на этот раз он был ослеплен ударом?

Мэр (строго, потому что не одобряет этой шутки). Но он все же ударил полицейского палкой?

Мод. Н-нет. Не думаю.

Мэр. Так кто же произвел... э... необходимый толчок?

Мод. Мне кажется, что они оба ухватились за трость и она взлетела вверх.

Мэр. Подайте мне трость.

Сержант подает трость. Мэр и Чантри осматривают ее.

Как, по-вашему... какой конец нанес повреждение?

Мод. Тот, где набалдашник, сэр.

Мэр. Что вы на это скажете, постовой?

М н (автоматически выходя на два шага вперед). Я не отрицаю, что мы с обвиняемым схватились, ваша милость, но у меня такое впечатление, что меня ударили.

Чантри. Конечно, вас ударили, это видно. Но чем: тростью или кулаком? Мун (несколько растерянно). Я... я... кулаком, сэр.

Мэр. Не спешите. Можете ли вы присягнуть в этом?

Мун (с внезапной неуверенностью, которая находит в подобных обстоятельствах на самых честных людей). Нет... не то, чтоб, как говорится, голову дам на отсечение, ваша милость, но так мне тогда показалось.

Мэр. Значит, вы не можете присягнуть?

Мун. Я могу присягнуть в том, что он назвал меня идиотом и болваном; эти слова я хорошо запомнил.

Чантри (про себя). Mort aux vaches! {Смерть коровам! (франц.) - фраза, выражающая презрительное отношение к полицейским, - цитата из "Кренкебиля" Аиатоля Франса.}

Мэр. Э... достаточно, полицейский Мун. Теперь, кто еще присутствовал при этой схватке? Миссис Билдер. Вы не обязаны говорить что-либо, если вам не угодно. Это - ваше право, как жены обвиняемого.

В то время, как он говорит, открывается дверь; Харрис быстро подходит к двери, обменивается с кем-то несколькими словами и возвращается. Он

наклоняется к мэру.

Э? Подождите минутку. Миссис Билдер, вы желаете дать показания?

Миссис Билдер (встает). Нет, господин мэр. (Снова садится.)

Мэр. Прекрасно. (Харрису.) Ну, что там такое?

Харрис что-то говорит ему тихо и озабоченно. Лицо мэра вытягивается. Он наклоняется и советуется с Чантри, который неодобрительно слегка пожимает

плечами. Минутная пауза.

Заседание суда открытое. Представители прессы, если хотят, могут присутствовать.

Харрис идет к дверям, впускает молодого человека приятной наружности в очках и указывает ему на стул позади. При этом несвоевременном появлении глаза Билдера забежали было по сторонам, но затем он снова устремляет неподвижный

бычий взгляд на своих коллег. Мэр обращается к Мод.

Вы можете сесть, мисс Билдер.

Мод садится.

Мисс Атена Билдер, вы, кажется, тоже там присутствовали?

Атена (встает). Да, сэр.

Мэр. Что вы можете показать по этому делу?

Атена. Я видела все это не очень отчетливо, но мне кажется, что рассказ моей сестры соответствует истине.

Мэр. Вы считаете, что повреждение было нанесено тростью?

Атена (тихо). Да.

Мэр. Преднамеренно или нет?

Атена. О, конечно, нет.

Билдер смотрит на нее.

Мэр. Но ведь вы стояли так, что не могли все отчетливо видеть?

Атена. Да, сэр.

Мэр. Поскольку ваша сестра взяла назад обвинение, нам незачем его разбирать. Прекрасно. (Знаком предлагает ей сесть.)

Атена садится, переводит взгляд на бесстрастное лицо отца.

Ну, там был еще какой-то молодой человек. (Указывая на Херрингема.) Этот молодой человек?

Мун. Да, ваша милость.

Мэр. Ваше имя?

Гай. Гай Херрингем.

Мэр. Адрес?

Гай. Э-э... аэродром, сэр.

Мэр. Я имею в виду ваш домашний адрес.

Короткая напряженная пауза.

Гай (с усилием). В настоящую минуту у меня его нет, сэр. Я только что съехал с квартиры, а другую еще не нашел.

Мэр. Гм! Аэродром! А как вы очутились на месте происшествия?

Гай. Я... э...

Билдер бросает взгляд на Херрингема.

Мисс Атена Билдер в настоящее время работает в мастерской моей сестры. Я как раз... случайно зашел туда.

Мэр. Вы действительно появились во время схватки, как утверждает полицейский?

Гай. Да, сэр.

Мэр. Он позвал вас на помощь?

Гай. Д-да. Нет, сэр. Не он, а мисс Мод Билдер.

Мэр. Что вы скажете по поводу последнего удара?

Гай (слегка вздернув голову). О, это я видел ясно.

Мэр. Итак, мы вас слушаем.

Гай. Полицейский сильно ударил по трости снизу, она взлетела и стукнула его по глазу.

Мэр (негромко хмыкнув). Вы в этом уверены?

Гай. Совершенно уверен, сэр.

Мэр. Были ли при этом произнесены какие-нибудь ругательства?

Гай. Самые обычные, сэр. "Черт возьми" и тому подобное.

Мэр. Вы считаете это обычным?

Гай. Но ведь он... судья, сэр.

Мэр на этот раз хмыкает громче. Чантри улыбается. Наступает молчание. Затем

мэр наклоняется к Чантри и о чем-то советуется с ним.

Чантри. Обратили ли вы внимание на какую-нибудь особую грубость, помимо сопротивления аресту?

Гай. Нет, сэр.

Мэр (жестом отпуская его). Прекрасно. Таковы, видимо, обстоятельства дела. Обвиняемый Джон Билдер... что вы можете сказать по этому делу?

Билдер (совершенно новым для него голосом). Что я скажу? Как он смел прикасаться ко мне, к судье? Я стукнул свою дочь раза два тростью, в частном доме, за то, что она мешала мне увести домой жену...

Мэр. Это обвинение снято, и мы не станем входить в подробности. Что вы имеете сказать о вашем сопротивлении полицейскому?

Билдер (глухо). Ничего, черт бы вас побрал!

Мэр (в замешательстве). Я... я вас не расслышал.

Чантри. Ничего... Он сказал: ничего, господин, мэр.

Мэр (откашлялся). Следовательно, насколько я понимаю, вы не желаете дать никаких объяснений?

Билдер. Я считаю, что со мной обходятся возмутительно, и отказываюсь отвечать на дальнейшие вопросы.

Мэр (сухо). Прекрасно. Мисс Мод Билдер.

Мод встает.

Когда вы говорили, что обвиняемый был ослеплен гневом, что, собственно, имели вы в виду?

Мод. Я хотела сказать, что отец был очень сердит и не понимал, что делает.

Чантри. Скажем, например, так же сердит, как... э... сейчас?

Мод (с легкой улыбкой). О, гораздо сильнее!

Ральф Билдер встает.

Ральф. Разрешите мне дать показания, господин мэр.

Мэр. Вы собираетесь говорить на основании собственных наблюдений, мистер Билдер?

Ральф. О душевном состоянии моего брата... Да, господин мэр, вчера он был, несомненно, очень возбужден; некоторые обстоятельства - семейные и другие...

Мэр. Вы хотите сказать, что он, если можно так выразиться, был вне себя?

Ральф. Вот именно, сэр.

Мэр. Вы видели вашего брата перед этим?

Ральф. Я видел его незадолго до этого прискорбного случая.

Мэр кивает и делает Ральфу и Мод знак сесть; затем наклоняется и тихо совещается с Чантри. Все остальные сидят или стоят с таким выражением, словно каждый из них находится один в комнате, за исключением репортера, который быстро пишет и при этом довольно явно набрасывает портрет Билдера.

Мэр. Мисс Атена Билдер.

Атена встает.

Этот молодой человек, мистер Херрингем, насколько я понимаю, - друг вашей семьи?

Снова напряженная пауза.

Атена. Н-нет, господин мэр, он не является другом ни моего отца, ни моей матери.

Чантри. Ваш знакомый?

Атена. Да.

Мэр. Прекрасно. (Откашливается). Поскольку обвиняемый, как мы полагаем, совершенно напрасно отказывается дать какие-либо разъяснения, суду придется опираться на свидетельские показания. Существуют некоторые разногласия относительно удара, который был,

несомненно, получен полицейским. В связи с этим мы склонны опереться на показание мистера...

Харрис подсказывает.

...мистера Херрингема как человека, наименее заинтересованного лично в данном деле и поэтому наиболее беспристрастного свидетеля. Его показание сводится к тому, что удар был нанесен случайно. Нет сомнения, однако, что обвиняемый употреблял некорректные выражения и оказал сопротивление полицейскому, исполнявшему свои обязанности. Свидетели указывали, что обвиняемый был в возбужденном состоянии, и, возможно, - я не говорю, что это служит ему оправданием, - но возможно, он предполагал, что его звание судьи делает его... э...

Чантри (подсказывает ему). Женою Цезаря.

Мэр. Э? Мы полагаем - принимая во внимание все обстоятельства и тот факт, что он провел ночь в тюремной камере, - полагаем справедливым... э... отпустить его, но сделав ему предупреждение.

Билдер (себе под нос). Предупреждение, черт вас дери! (Выходит из комнаты.)

Репортер хватает блокнот и бежит за ним. Билдеры встают и толпятся у двери,

а затем их, вместе с Херрингемом, выпускает из комнаты Харрис.

Мэр (вынув большой платок и вытирая лоб). Ф-фу! Однако!

Чантри. Как вам нравятся эти новые полицейские, мэр? А Билдеру, видимо, придется уйти в отставку: Черт бы побрал этих газетчиков, все они пронюхают! Великие бессеребренники! Опять нам достанется! (Вдруг расхохотался.) "Ладно, будет болтать!" - говорю я, насколько мне помнится! Ха-ха-ха! Сегодня мне не удастся подстрелить ни одного фазана! Бедняга Билдер! Для него это не шутка. Вы хорошо провели дело, мэр, хорошо провели. Британское правосудие в надежных руках. Но, конечно, это он подбил парню глаз, который тот "предъявил в качестве вещественного доказательства"! Ох, не могу! Вот это лучше всего!

Его безудержный хохот, так же, как и унылая улыбка мэра, с молниеносной быстротой сменяется неестественной торжественностью, когда открывается дверь и перед ними в

сопровождении сержанта Мартина предстает мрачный объект следующего судебного дела.

Мэр. В чем он обвиняется?

Сержант выступает вперед, чтобы прочесть обвинительное заключение, и в это

время занавес падает.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Полдень того же дня. Кабинет Билдера. Топпинг стоит у открытого окна, глядя на улицу. Раздается голос мальчишки-газетчика, выкрикивающего последние новости. Голос приближается слева.

Топпинг. Эй!

Голос мальчишки. Сейчас, хозяин! Джонни Билдер на скамье подсудимых!

В окне появляется рука с газетой.

Топпинг (протягивая монету). Что ты там болтаешь? Смотри у меня...

Голос. А вот, прочитайте! Джонни Билдер лупит свою жену! Подсудимый оправдан!

Топпинг. Замолчи, щенок!

Голос. Чего это вы? Ой, да ведь это дом Джонни Билдера! (Резко свистнув.) Эй, купите еще! Он, верно, захочет почитать про себя! (Уговаривая.) Купите еще номер, хозяин!

Топпинг. Убирайся! (Отходит от окна и разворачивает газету.)

Голос (удаляясь). Газеты! Последний выпуск! Мировой судья на скамье подсудимых! Последний выпуск!

Топпинг (читая про себя). Вот так штука! Фью! Понятно, почему их всю ночь не было дома.

В это время из передней входит Камилла.

Подите-ка сюда! Вы это видели, Камилла, - в экстренном выпуске?

Камилла. Нет.

Стоя рядом, они жадно читают.

Топпинг (заканчивая вслух). "...пыталась помешать отцу силой заставить мать вернуться домой, за что он ударил ее. Она отказалась от обвинения. Арестованный, заявивший, что действовал при провоцирующих обстоятельствах, был оправдан, но получил предупреждение". Черт меня побери! Он-таки сделал это!

Камилла. Синяк под глазом.

Топпинг (поглядев на нее). А не замешаны ли в этом и вы? Я ведь видел, как вы строили ему глазки. Вы, иностранцы, народ распущенный!

Камилла. Вы пьяны!

Топпинг. Пока еще нет, милочка. (Возвращаясь к газете, говорит философски). Вот все и пошло прахом! Бывает, что и фавориты не приходят первыми! Джонни Билдер! Кто бы мог подумать!

Камилла. Он человек упрямый.

Топпинг. Да, уж тут нашла коса на камень! А все оттого, что он не знает, когда надо проявить твердость, а когда нет. Если стараться проломить стену головой, у головы нет никаких шансов выдержать. Так-то, Камила. А послушать кое-кого, можно подумать, что это не так. Интересно, что он теперь будет делать? А от хозяйки нет известий?

Камилла (покачав головой). Я уложила ее чемоданы.

Топпинг. Зачем?

Камилла. Потому что она взяла вчера свои драгоценности.

Топпинг. Да неужто! Их же полагается оставлять. "Возьмите обратно ваши подарки!" - и швыряет безделушки ему в лицо. (Снова уставившись на Камиллу.) А вам пальца в рот не клади!

Слышно, как подъезжает и останавливается экипаж.

Уж не он ли это? (Идет по направлению к передней.)

Камилла, насторожившись, делает несколько шагов к двери в столовую. Входит

Мод.

Мод. Отец вернулся, Топпинг? Топпинг. Нет еще, мисс. Мод. Я приехала за мамиными вещами. Камила. Они уложены.

Мод (смерив ее взглядом). Топпинг, снесите их, пожалуйста, вниз.

Топпинг, поглядев на обеих, выходит в переднюю.

Очень предусмотрительно, что вы их приготовили.

Камилла. О, я предусмотрительна.

Мод (почти сама себе). Да, папа мог бы... а впрочем, может быть, и нет.

Камилла. Послушайте! Если вы думаете, что я что-то замышляю, вы ошибаетесь. Я чувствую, когда становится слишком жарко. И не жалею, что ухожу.

Мод. Ах, вы уходите?

Камилла. Да, я уйду. Как я могу оставаться, если в доме нет хозяйки?

Мод. Даже если вас попросят?

Камилла. Кто меня будет просить?

Мод. Это мы увидим.

Камилла. Так вот, вы увидите, что у меня есть собственное мнение.

Мод. О да, голова у вас достаточно хорошо работает.

Камилла. Я не собираюсь спорить. До свидания. (Уходит налево.)

Мод безучастно наблюдает, как она удаляется, затем берет газету и читает ее.

Мод. Какой ужас!

Топпинг (входит). Вещи в кэбе, мисс. Я не поставил вчера за вас десять шиллингов, мисс, потому что эта кляча пришла последней. На лошадей нельзя полагаться.

Мод (указывая на газету). Какая страшная история, Топпинг!

Топпинг. А как же это случилось, мисс Мод?

Мод (постукивая по газете). Все это правда. Он пришел за мамой к мисс Атене, и я... я не могла сдержаться. Все, что написано здесь, правильно, но теперь я об этом жалею. Мама ужасно расстроена. Вы хорошо знаете папу, Топпинг. Как, по-вашему, что он теперь будет делать?

Топпинг (прищелкнув языком). Видите ли, мисс, дело обстоит так: до сих пор мистера Билдера всегда все уважали...

Мод нетерпеливо встряхивает головой.

...Конечно, не у него дома. А теперь уважения нет. Пси... пши... психологически это должно на него подействовать.

Мод. Разумеется, но с каким результатом? Сдастся ли он или будет драться до последнего?

Топпинг. Нет, уж он не сдастся, мисс.

Мод. Его, конечно, попросят выйти в отставку.

Снова слышен приближающийся голос газетчика: "Экстренный выпуск! Сенсация!

Местный судья в роли обвиняемого! Экстренный выпуск!"

О боже! Зачем я это сделала! Но я не могла видеть, как маму...

Топпинг. Не расстраивайтесь, мисс, он все выдержит. У него, можно сказать, челюсть перевешивает лоб...

Мод. Что?

Топпинг (кивает). Френология, мисс. Я в ней коечто соображаю. Когда челюсть большая, а лоб маленький, это признак сильного характера.

Мод. Мисс Атена вышла замуж сегодня утром, Топпинг. Я сейчас прямо из мэрии.

Топпинг (бесстрастно). В самом деле, мисс? Я думал, что так она, вероятно, и сделает.

Мод. О!

Топпинг. Тень надвигающихся событий... Я уже вчера видел, как они надвигаются.

Мод. Ну, во всяком случае это так. Она приедет сюда с дядей.

Слышно, как подъезжает экипаж. Это, вероятно, они. Мы все очень расстроены из-за папы.

Топпинг. А-а! Меня не удивит, если он будет очень расстроен из-за вас, мисс.

Мод (у окна). Это они.

Топпинг выходит в переднюю; Атена и Ральф входят слева.

Где папа, дядя Ральф?

Ральф. У своего поверенного.

Атена. Мы оставили Гая с мамой в мастерской. Она все еще считает, что должна вернуться. Она все твердит, что это ее дело теперь, когда отец в беде.

Мод. Ее вещи уже в кэбе. Ей надо предоставить возможность свободного выбора.

Ральф. Ты помешалась на свободе, Мод.

Мод. С вами было бы то же самое, если б около вас был папа.

Ральф. Я его компаньон, дорогая моя,

Мод. Да. Как вы умудряетесь ладить с ним?

Ральф. До сих пор я еще не подавал на него в суд.

Атена. А что же вы делаете, дядя Ральф?

Ральф. Действую тихой сапой. Подкапываюсь под него, когда могу.

Мод. А когда не можете?

Ральф. Подкапываюсь под нашего общего противника. Теперь тебе нельзя идти в киноактрисы, Мод. Они будут рекламировать тебя как прославленную Мод Билдер, подавшую в суд на своего отца. Переезжай вместо этого к нам, и ты будешь пользоваться полной свободой, пока вся эта история не забудется.

Мод. Ах, а что теперь будет с папой?

Атена. Так странно, что вы братья, дядя Ральф.

Ральф. У каждой монеты есть оборотная сторона, моя дорогая. Джон одна, а я - другая. У него есть свои ценные качества. А теперь вы, девочки, должны погладить его по шерстке и постараться помириться с ним. Вы достаточно помучили его.

Мод (упрямо). Я не выбирала его себе в отцы, дядя.

Ральф. Говорят, сейчас с наследственными заболеваниями делают чудеса. Ну как - будете вы обе милы с ним?

Атена. Мы попытаемся.

Ральф. Правильно! Я и теперь не понимаю, как все это произошло.

Мод. Не успели вы с Гаем выйти, как через три минуты появился он. Мама только что рассказала нам о... об одной мерзости. Папа потребовал, чтобы мы с Атенной вышли, и мы согласились выйти на пять минут, пока он поговорит с мамой. Мы ушли, а когда вернулись, он велел мне взять кэб, чтобы отвезти маму домой. Бедная мама стояла бледная, как полотно, а он начал настаивать и тащить ее к двери. Я была ослеплена гневом и вместо кэба вызвала полицейского. Конечно, это папа подбил ему глаз. Гай здорово вызволил его.

Атена. Ты первая это придумала.

Мод. Я не могла иначе, когда увидела, как папа стоит и молчит, словно у него язык отнялся.

Атена. Это было ужасно! Дядя, почему вы не вернулись с Гаем?

Мод. О да, почему вы не вернулись?

Атена. Когда Мод пошла за кэбом, я предупредила папу, чтобы он не применял силу. Я сказала ему, что это противозаконно, но он ответил только: "К черту закон!"

Ральф. Что же, все это довольно неприглядно. Мод. Да, все были ослеплены гневом.

Они не замечают, как отворяется дверь и из прихожей появляется Билдер. Он все еще не брит, немного осунулся, на его лице мрачное,

свирепое выражение. В руке какая-то бумага. Он делает несколько шагов вперед, и тут

они замечают его.

Атена и Мод (растерянно). Папа!

Билдер. Ральф, сделай мне одолжение! Выпроводи их отсюда!

Ральф. Успокойся, Джон!

Билдер. Уходите!

Мод (гордо). Хорошо! Мы думали, что тебе будет приятно узнать, что Атена вышла замуж, а я отказалась от кино. А теперь мы уйдем.

Билдер поворачивается к ним спиной, садится за письменный стол и начинает писать. Пошептавшись с дядей, сестры уходят. Ральф Билдер стоит, с добродушно-насмешливым сочувствием глядя на спину брата. Когда Билдер

кончает писать, Ральф подходит к нему и кладет руку ему на плечо.

Ральф. Очень неприятная история, дружище!

Билдер. Вот что я написал этому типу: "Господин мэр, вы сегодня имели наглость сделать мне предупреждение - мне, вашему собрату, такому же судье, как вы! Я советовался с моим поверенным, могу ли я привлечь вас к ответственности за противозаконное задержание. Он сообщил мне, что этого сделать нельзя. Посему пользуюсь случаем заявить вам, что правосудие в нашем городе - это фарс. Я не желаю более иметь дело ни с вами, ни с вашими коллегами, но вы глубоко заблуждаетесь, воображая, что я сложу с себя звание судьи или уйду из муниципального совета. С совершеннейшим почтением Джон Билдер".

Ральф. Слушай, дружище, не надо терять чувство юмора.

Билдер (мрачно). Юмора? Я провел ночь в тюремной камере. Погляди-ка на это! (Показывает бумагу, с которой он пришел.) Я лишаю свою семью наследства.

Ральф. Джон!

Билдер. Эти две молодые особы для меня больше не существуют. Что касается жены... Если она не вернется... Раз я страдаю, так пусть и другие страдают.

Ральф. Джулия очень расстроена, мой милый, мы все расстроены. Девочки пришли сюда, чтобы попытаться...

Билдер (встает). Пусть они убираются к черту! А если этот паршивец мэ́р думает, что я конченный человек, то он ошибается! (Звонит.) Не нужны мне никакие утешения! Я умею драться до конца!

Ральф (тихо). Твой враг внутри тебя, дружище.

Билдер. Это еще что?

Ральф. Прежде чем укрощать других людей, следует укротить себя. Выспись, Джон, утро вечера мудренее.

Билдер. Выспаться? Я всю ночь глаз не сомкнул. Если бы ты провел такую ночь...

Ральф. Я сам не спал.

Входит Топпинг.

Билдер. Отнесите это письмо мэру с приветом от меня. Ответа не надо.

Топпинг. Слушаю, сэ́р. Там, в передней, джентльмен из "Кометы". Просит, чтоб вы его приняли.

Билдер. Передайте ему, чтобы он убирался к...

Слышен голос: "Мистер Билдер!" Билдер оборачивается и видит репортера,

который уже стоит в дверях передней. Топпинг выходит.

Журналист (входит, протягивая визитную карточку). Мистер Билдер, вы очень добры, что приняли меня. Я имел сегодня утром удовольствие... Я хочу сказать... я пытался поговорить с вами, когда вы ушли от мэра. Я думал, что у вас, вероятно, есть своя собственная точка зрения на это злополучное происшествие. Мы будем рады дать вам возможность высказать ее перед нашими читателями.

Ральф стоит у окна и слушает.

Билдер (сухо, меряя взглядом репортера, говорившего вежливо и приятным голосом). Очень любезно с вашей стороны.

Репортер. Что вы, сэ́р... Мы полагали, что у вас почти наверняка есть свои весьма основательные причины, которые могут представить все дело в совершенно ином свете.

Билдер. Основательные причины? Я думаю! Я вам скажу: еще немного этой свободы - распущенности, как я это называю, - и вскоре не останется ни одного человека, который сможет назвать себя главой семьи.

Репортер (в тон ему). Совершенно верно.

Билдер. Если представители закона думают, что могут поддерживать бунт, они жестоко ошибаются. Я ударил свою дочь... я был взбешен, как и вы были бы...

Репортер (так же). Ну, разумеется...

Билдер (яростно глядя на него). Впрочем, что касается вас, - не знаю, вы, кажется, размазня, - но любой человек с горячей кровью был бы!

Репортер. Позвольте спросить, что она сделала, сэр? Нам не удалось это уточнить.

Билдер. Сделала? Только я взял за руку свою жену, пытаюсь убедить ее вернуться домой после маленькой семейной размолвки, как эта девчонка налетела на меня. Я вышел из себя и оттолкнул ее тростью. А... этот полицейский, которого привела моя собственная дочь!.. Подумать только полицейского привела! Если представитель закона вторгается в частный дом с целью подорвать авторитет главы семьи, до чего мы докатимся, скажите мне?

Репортер (все так же). Ну, безусловно... безусловно!

Билдер. Современная идиотская сентиментальность совершенно разлагает нашу страну. Человек не может быть хозяином в собственном доме, не может призвать свою жену к исполнению ее обязанностей, не может попытаться контролировать поведение своих дочерей без того, чтобы не натолкнуться на сопротивление и не навлечь на себя ненависть. Дело дошло до того, что хозяин уже не может распоряжаться своими служащими; не может где-либо подавлять бунт без того, чтобы на него не стала таять свора гуманистов и поклонников распущенности!

Репортер. Великолепно, сэр, великолепно!

Билдер. Великолепно! Это позорно! Вот вам я - человек, который всегда пытался выполнять свой долг перед семьей и перед обществом, и мне пришлось предстать перед судом - о господи! - потому что я выполнял этот долг; быть может, с несколько излишним рвением, но ведь я не ангел!

Репортер. Да, да! Разумеется...

Билдер. Настоящий англичанин никогда не бывает ангелом! Но теперь нет настоящих англичан! (В ярости мечется взад и вперед по комнате.)

Ральф (внезапно). Когда я смотрю на лица...

Билдер (думая о своем). Что? Я сказал этому молодому человеку, что я не ангел.

Репортер (провоцируя его). Да, сэр, я вас понимаю.

Билдер. Если представители закона думают, что они могут заставить меня стать одним из ваших мягкотелых сентименталистов, которые позволяют всем делать, что им в голову взбредет...

Ральф. Есть еще немало людей, Джон, которые тоже не собираются отказываться от своих прав.

Билдер (думая о своем). Что? Кто там еще прав?

Репортер. Вам, вероятно, пришлось пережить несколько неприятных минут, сэр.

Билдер. Сплошные унижения. Я провел ночь в вонючей камере. Не ел со вчерашнего утра. Неужто они думали, что я буду есть эту бурду, которую они мне сунули? И все потому, что в минуту гнева... о котором я сожалею!.. получилось так, что я ударил собственную дочь, вмешавшуюся в мои отношения с женой. Это было бы смешно, если бы не было так отвратительно! Раньше дом человека был святыней. А чем он стал теперь, когда все, кому не лень, суют в него свой нос? (Стоит у камина, нагнув голову, словно не замечая ни репортера, ни вообще кого бы то ни было.)

Репортер.(собираясь уходить). Очень вам благодарен, мистер Билдер. Я уверен, что не искажу ваших мыслей. Может быть, вы захотите просмотреть гранки?

Билдер (не совсем отдавая себе отчет в том, кто стоит перед ним). Что?

Репортер. Или вы доверяете мне?

Билдер. Я не доверяю вам ни на грош.

Репортер (в дверях). Прекрасно, сэр, вам пришлют гранки, я обещаю. Всего хорошего, и еще раз благодарю вас.

Билдер. Эй!

Но репортер уходит. Билдер устремляет взгляд на брата, с лица которого все еще не сошло

выражение добродушно-насмешливого сочувствия.

Ральф. Возьми себя в руки, дружище! Прими горячую ванну и ложись спать.

Билдер. Им захотелось довести меня до крайности, теперь пусть несут ответственность за последствия. Мне наплевать, что обо мне

думают!

Ральф (с грустью). Ладно, сейчас я не буду больше надоедать тебе.

Билдер (с недобрым смешком). Что ж, приходи завтра снова.

Ральф. Когда ты выспишься. Ради репутации всей нашей семьи, прошу тебя, Джон, не будь опрометчив.

Билдер. Запереть ворота конюшни? Нет, мой милый, поздно, лошадь уже украли.

Ральф. Так, так... (Поглядев на брата, угрюмо усевшегося за письменный стол, выходит в переднюю.)

Билдер сидит, уставившись прямо перед собой. Дверь из столовой приоткрывается; показывается голова Камиллы. Увидя его, Камилла хочет

скрыться, но он уже успел заметить ее.

Билдер. Подите-ка сюда!

Камилла нерешительно подходит к письменному столу. Морщит лоб, словно что-то

усиленно обдумывает. Билдер глядит на нее без улыбки.

Значит, вы хотите быть моей любовницей, а?

Камилла делает нервный жест.

Ну что ж, отлично. Подойдите поближе.

Камилла (не двигаясь). Вы меня п-пугаете.

Билдер. Вы мне дорого обошлись. Но вы заплатите за это, вы и все остальные.

Камилла (пяясь). Нет, сегодня вы мне не нравитесь! Нет!

Билдер. Ну, хватит ломаться!

Она стоит достаточно близко от него, и он хватает ее за руку.

С тех пор как я женился, я всегда держал себя в узде во имя приличий. Я был человеком с твердыми правилами, милочка, как вы вчера убедились. А им этого не нужно! (Притягивает ее к себе.) Вот теперь можете сесть ко мне на колени.

Камилла (отшатываясь). Нет, сегодня я не хочу.

Билдер. Но все-таки вам придется. Они сами напросились на это!

Камилла (гибким движением увертываясь от него). Они? Что все это значит? Я не хочу никаких неприятностей. Нет, нет! Не хочу! (Пятится к дверям.)

Билдер саркастически смеется.

О, вы опасный человек! Нет, нет! Это не для меня! Прощайте, мосье! (Быстро поворачивается и уходит.)

Билдер снова мрачно смеется. Он сидит теперь один, глядя прямо в одну точку, и в комнате царит полная тишина. В окне появляется лицо мальчишки; на нем

все шире расплывается насмешливая улыбка.

Мальчишка (за окном, вполголоса). Джонни Билдер!

Билдер резко оборачивается - лицо исчезает.

Кто избил свою жену?

Билдер бросается к окну.

Голос (уже вдалеке и с опаской). Джонни Билдер!

Билдер. Ах ты, дьявольское отродье! Попадись ты мне, окаянный, уж я сверну тебе шею!

Голос (совсем издалека). Кто подбил глаз фараону?

Билдер не в силах совладать с собой, хватает с подоконника цветочный горшок и изо всей силы швыряет его в окно на улицу. Слышно, как горшок разбивается.

Голос (очень далеко). Э-э-э! Промазал!

Билдер высовывается из окна; его лицо побагровело; он грозит вдалеку кулаком.

Занавес опускается на несколько секунд.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Вечер того же дня. Кабинет тускло освещен, у него заброшенный вид. Окно все еще открыто, хотя уже близится ночь. В окно падает свет уличного фонаря, освещая уснувшего Билдера. Он сидит в кресле у письменного стола, ближе к камину, опираясь локтями о стол, подпирая щеку правой рукой. Он все еще не брит, и на нем тот же костюм. Над подоконником появляется голова мальчишки;

кажется, что она отделена от тела и поставлена на подоконник.

Голос мальчишки (громким шепотом). Джонни Билдер!

Билдер вздрагивает. Голова мальчишки исчезает. Билдер, подняв левую руку, машет ею перед лицом, как бы отгоняя комара, и просыпается. Вспоминает все, что было, и некоторое время сидит, мрачно уставившись перед собой. Дверь из передней открывается, входит Топпинг, с длинным конвертом в руке.

Топпинг (подходя к Билдеру). Из "Кометы", сэр. Оттиск вашего интервью, сэр. Посыльный сказал: будьте любезны просмотреть; он

должен сразу же отнести его обратно.

Билдер (берет конверт). Хорошо. Я позвоню.

Топпинг. Можно закрыть окно, сэр?

Билдер. Нет еще.

Топпинг выходит.

(Зажигает настольную лампу, вскрывает конверт и начинает читать гранки. На лице его постепенно появляется выражение замешательства и растерянности.) Разве я это говорил? Мерзость! Мерзость! (Бросает гранки, сидит некоторое время, качая головой и нервно постукивая рукой по столу, затем берет телефонную трубку.) Город, два сорок пять. "Комета"? Это Джон Билдер. Дайте мне главного редактора. (Пауза.) Господин редактор? Говорит Джон Билдер. Относительно интервью. Я получил оттиск. Это никуда не годится. Вычеркните все целиком, пожалуйста. Я не желаю давать никаких заявлений. (Пауза.) Да, я знаю, что сказал все это, ничего не поделаешь. (Пауза.) Нет, я передумал. Вычеркните, пожалуйста. (Пауза.) Нет, я ничего не скажу. (Пауза.) А вы можете, черт подери, говорить все, что вам угодно! (Пауза.) Да, да, именно так. Если вы припишете мне хоть одно слово, я подам на вас в суд за клевету. Безответственная мерзость! Я разорвал все ваши гранки. До свидания. (Вешает трубку и звонит; затем, взяв гранки, злобно рвет их на мелкие кусочки и засовывает в конверт.)

Входит Топпинг.

Отдайте посылному, живо, и пусть убирается...

Топпинг (с некоторым удивлением, чувствуя в руке содержимое конверта). Слушаю, сэр. (Направляется к двери, но оборачивается.) Пришел мэр, сэр. Не знаю, угодно ли вам будет...

Билдер встает; прошелся по комнате.

Билдер. Я сам не знаю. Впрочем, просите.

Топпинг выходит. Билдер стоит у камина, слегка нагнув голову.

Топпинг (входит). Господин мэр, сэр. (Уходит направо.)

Входит мэр, он в пальто и даже с цилиндром. Прежде чем заговорить, он

доходит до середины комнаты.

Мэр (смущенно). Ну, Билдер?

Билдер. Ну?

Мэр. Не надо! Это мое предупреждение было чистой дипломатией. Мне нужно было поддержать репутацию суда, вы же понимаете.

Билдер. А как насчет моей репутации?

Мэр. Вы... вы очень затруднили мне дело. Черт бы все это побрал! Поставьте себя на мое место.

Билдер (угрюмо). Я лучше поставил бы вас на мое вчера вечером.

Мэр. Да, да, я знаю. Но суд должен оберегать свою репутацию, он не должен ронять себя в глазах общественности. Я и так чуть не нарушил закон. А вот если бы перед нами был простой человек, с таким же обвинением - с обвинением, что он ударил женщину?

Билдер. Я ударил не женщину, я ударил свою дочь.

Мэр. Да, но ведь она же не ребенок! И, если уж на то пошло, вы оказали сопротивление полиции. Ну что там! Вы ведь первый поддержали бы британское правосудие. Пожмем же друг другу руки.

Билдер. Вы за этим пришли?

Мэр (растерянно). Д-да. Я чрезвычайно огорчен этим...

Билдер. Бросьте! Вы пришли просить меня выйти в отставку.

Мэр. Все это, право, очень глупо получилось, Билдер. Мы все чувствуем...

Билдер. Не тратьте ваших зарядов впустую, мэр. Я уже все обдумал, после того как написал вам ту записку. Примите мою отставку.

Мэр (смущен, но облегченно вздыхает). Ну вот, так-то лучше! Приходится мужественно встречать эту неприятность, в которую вы попали.

Билдер (с оттенком мрачного юмора). Да, да, я знаю, что это не так уж трудно - мужественно встречать чужие неприятности.

Мэр. Ну, и в конце концов так ли уж они велики?

Билдер. Всего только великолепное одиночество. Ни жены, ни дочерей, ни звания члена муниципального совета, ни звания судьи, ни будущего... (Со смешком.) Ни даже француженки-горничной. А почему? Потому что я пытался как-то утвердить свою власть в семье, на ее же пользу! Вот и все неприятности, которые вам приходится мужественно переносить, мэр.

Мэр. Ай-ай-ай! Сколько горечи, Билдер. Конечно, вся эта огласка очень неприятна. Но все забудется, и вы снова станете тем, чем были.

В вас за всей вашей вспыльчивостью кроется превосходный практический здравый смысл. (Пауза.) Ну, не падайте духом! (Пауза.) Что ж, пожалуй, я прощусь с вами.

Билдер. Завтра вы получите письменную просьбу об отставке.

Мэр (искренне). Ну, будет! Давайте пожмем друг другу руки!

Билдер долго смотрит на него, потом протягивает руку. Они обмениваются рукопожатием. Резко повернувшись, мэр выходит. Билдер с минуту стоит неподвижно, затем снова садится на прежнее место у письменного стола, опустив голову на руки. Над подоконником опять появляется голова мальчишки, за ней другая и третья; теперь все три головы - словно отрубленные и установленные в ряд.

Голоса мальчишек (один за другим, все более громким шепотом). Джонни Билдер! Джонни Билдер! Джонни Билдер!

Билдер встает, поворачивается и смотрит на них. Головы исчезают, и мальчишеский голос пронзительно кричит: "Джонни Билдер!" Билдер идет к окну; голоса теперь кричат на разные лады: "Джонни Билдер!", "Буян Билдер!", "Кто избил свою жену? Буян Билдер!" Билдер стоит совершенно неподвижно, уставившись в окно; уличный фонарь освещает его лицо, на котором застыло выражение какого-то вызова и одновременно боли. Голоса становятся все громче. Затем вдруг что-то со свистом рассекает воздух, слышен плеск воды и отчаянные вопли.

Голос Топпинга. Брысь! Черти вы такие!

Слышен топот ног и протяжный отдаленный вопль: "Мяу!" Билдер, словно очнувшись, закрывает окно, задергивает шторы, идет к креслу у камина и садится. Входит Топпинг с маленьким подносом, на котором стоит кувшинчик с какой-то дымящейся жидкостью, стакан и печенье. Топпинг бесшумно подходит к

креслу. Билдер шевелится и поднимает глаза на Топпинга.

Топпинг. Извините, сэр, но после вчерашнего завтрака прошло уже много времени, - без еды не проживешь, сэр!

Билдер. Хорошо. Поставьте.

Топпинг (ставит поднос на стол и берет трубку Билдера). Я им задал жару, этим паршивцам!

Билдер. Вы славный малый.

Топпинг (набивая трубку). Извините меня, сэр... хозяйка... вернулась, сэр...

Билдер уставился на него, и Топпинг умолкает. Он протягивает Билдеру трубку и спички.

Билдер (вздрагнув). Затопите, Топпинг. Я что-то озяб.

Топпинг затапливает камин; Билдер в это время раскуривает трубку. Растопив камин, Топпинг собирается уходить, но с полдороги возвращается, доходит до

стола и смотрит на безмолвную, угрюмую фигуру в кресле.

(Говорит внезапно.) Дайте мне ту бумагу со стола. Нет, другую - завещание.

Топпинг передает ему завещание.

Топпинг (после больших колебаний). Извините, сэр. Но, с вашего разрешения, сэр, это большое мужество с их стороны - вернуться домой...

Билдер снова уселся, как раньше, и не отвечает.

(Говорит с легким оттенком сочувствия.) Спокойной ночи, сэр.

Билдер (не поворачивая головы). Спокойной ночи.

Топпинг уходит.

(Сидит и курит, озаренный с одной стороны огнем камина, с другой настольной лампой. Потом вынимает изо рта трубку; по его лицу пробегает судорога. Полусердитым жестом он трет рукой глаза.) Мужество! Мужество! (Губы его снова дрогнули. Он крепко сжимает их, затем опять сует трубку в рот и, взяв завещание, швыряет его в огонь и помешивает кочергой золу.)

В это время дверь из передней тихо открывается, и входит миссис Билдер; он не слышит, как она вошла. У нее в руках мешочек с рукоделием. Она медленно подходит к столу, останавливается и смотрит на Билдера. Затем, подойдя к шторам, машинально поправляет их, не сводя глаз с Билдера, снова подходит к столу и наливает ему обычный стакан грога. Билдер, уже заметивший ее присутствие, поворачивается в кресле в то время, как она протягивает ему стакан. Он сидит некоторое время неподвижно, затем берет у нее стакан и благодарно пожимает ей руку. Миссис Билдер молча подходит к своему стулу у камина и, вынув спицы, принимается за вязанье. Билдер пытается заговорить,

но это ему не удается, и он продолжает сидеть, посасывая трубку.

Занавес

1921 г.